СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ
епископъ Иннокентій.

СЛОВА и РѢЧИ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, МОХОВАЯ, Д. № 14.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„НАРОДНОЕ ПРАВО“.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1910.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

ОТДѢЛЫ: **I. ЦЕРКОВНОЕ ПѢНІЕ,**
II. ИСТОРИЧЕСКІЙ,
III. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,
IV. ХРОНИКА,
V. БИБЛІОГРАФІЯ, ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ, КОРРЕСПОНДЕНЦІИ и другое.

Въ 1910 году въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты видныхъ дѣятелей среди старообрядцевъ и снимки съ разныхъ крюковыхъ рукописей.

«Церковное пѣніе» въ наступающемъ 1910 году будетъ выходить аккуратно, каждаго 20-го числа отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ каждый выпускъ и будетъ освѣщать жизнь старообрядчества со всѣхъ сторонъ.

Годовые подписчики получатъ **безплатное приложеніе** «АЗБУКА ДЕМЕСТВЕННАЯ» съ разводомъ на общепонятные крюки.

Ближайшіе сотрудники журнала:

Старообрядческіе Епископы: *Михаилъ Канадскій* (бывшій архимандритъ) и *Иннокентій Нижегородскій и Костромской*, протоіерей о. *Левъ Денисовъ*, свящ. о. *Г. Карабиновичъ*, свящ. о. *В. Плотниковъ*, діаконъ *Ф. Гусляковъ*, *В. Е. Макаровъ*, *Н. Д. Зенинъ*, *И. В. Галкинъ*, *С. П. Мельгуновъ*, *Я. А. Богатенко*, *П. В. Цвѣтковъ*, *Г. Поморецъ*, *Е. Т. Поспѣловъ*, *С. И. Быстровъ*, *Л. В. Быстровъ*, *И. Ф. Пучковъ*, *Л. Ф. Калашниковъ* и другіе.

Подписная цѣна журнала на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 75 коп., на мѣсяцъ 40 коп.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ

епископъ Иннокентій.

СЛОВА и РѢЧИ.

Цѣна 60 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
МОСКВА, МОХОВАЯ, д. № 14.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
„НАРОДНОЕ ПРАВО“.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1910.

204925

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Проповѣдь только тогда имѣетъ значеніе, когда она отвѣчаетъ на современныя требованія жизни, когда она разрѣшаетъ вопросы не изъ области отвлеченныхъ понятій, какъ бы они ни были высоки по своему содержанію,—а раскрываетъ общественные пороки и недуги, врачуетъ ихъ соотвѣтствующими средствами. Проповѣдникъ долженъ знать, чѣмъ страдаетъ поучаемый имъ народъ, какое зло ему грозитъ, и силою своего вліянія, горячимъ призывомъ, проникновеннымъ словомъ онъ можетъ и долженъ предупредить его отъ грозящей ему опасности, можетъ направить его на должный, добрый, спасительный путь жизни. Въ рѣчи проповѣдника не должно быть ни тѣни фальши, которая способна только оттолкнуть слушателя, породить въ немъ сомнѣніе въ предлагаемыхъ ему истинахъ. Искренность, глубокая увѣренность въ правдивости того, что говоришь,—вотъ что самое цѣнное и привлекательное въ рѣчи оратора, будь это церковный проповѣдникъ или церковный трибунъ.

Такими качествами отличаются слова и рѣчи епископа Иннокентія. Они отвѣчаютъ на современные запросы общества, на волнующія его теченія, говорятъ о совершающихся среди и вокругъ насъ

событіяхъ. Искренность тона рѣчей, ясность и простота ихъ изложенія — лучшее ихъ достоинство. Онѣ доступны пониманію самаго простого слушателя.

Неутомимый служитель Церкви, епископъ Иннокентій не мало посвящаетъ времени проповѣднической дѣятельности. Къ сожалѣнію, не всѣ рѣчи его записаны. Только незначительное количество ихъ изложено письменно

Старообрядчество, вышедшее изъ угнетеннаго состоянія на путь свободнаго существованія, въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо нуждается и въ просвѣщенныхъ духовныхъ дѣятеляхъ и въ хорошихъ талантливыхъ проповѣдникахъ. Первѣйшая обязанность пастырей — проповѣдь, служеніе паствѣ словомъ назиданія, увѣщанія и обличенія. «*Не крестить послалъ меня Христосъ, а благовѣстить*», писалъ апостолъ Павелъ (1 Коринѳ. 1, 17).

Предлагаемый сборникъ словъ и рѣчей *епископа Иннокентія* да послужитъ старообрядческимъ пастырямъ примѣромъ и образцомъ для ихъ проповѣднической дѣятельности и укрѣпитъ въ сознаніи старообрядческихъ массъ необходимость и полезность пастырской проповѣди.

И. Галкинъ.

Москва.
20-ое декабря
1909 г.

Степени нравственнаго состоянія.

Творящихъ добро, исполняющихъ волю Божію отцы церкви дѣлятъ на четыре чина, или степени: на раба, наемника, сына и друга Божія. Кто не творитъ зла, и исполняетъ заповѣди Божіи страха ради вѣчныхъ мукъ, тотъ находится въ чину раба, который творитъ волю господина своего обыкновенно ради страха наказанія, такъ что если бы не было этого страха, онъ, конечно, не сталъ бы и работать на господина, да пожалуй и совсѣмъ ушелъ бы отъ него. Таковъ и исполняющій заповѣди Божіи изъ боязни казней отъ Бога или здѣшними временными, или будущими вѣчными мученіями; если бы не было сихъ мученій, онъ пожалуй готовъ бы и не исполнять Господнихъ заповѣдей, не жить добродѣтельно и не избѣгать творить зла, или грѣшить. Это — первая самая низкая степень нравственнаго совершенства. Вторая степень этого совершенства — чинъ наемника. Въ этомъ чину состоитъ тотъ, кто исполняетъ волю Божію, творитъ добро ради будущей мзды, или въ ожиданіи царства небеснаго. Наемникъ, какъ извѣстно, работаетъ на хозяина потому, что ему платятъ за работу. Иначе онъ, конечно, не сталъ бы и работать. Такъ и исполняющій заповѣди Божіи ради мзды въ настоящей или будущей жизни, если бы не ожидалъ этой мзды за свои добрыя дѣла, то пожалуй и не творилъ бы ихъ. Третья, болѣе высшая степень нравственнаго совершенства, есть чинъ любящаго сына. Такой сынъ творитъ волю своего родителя, работаетъ ему, не страха ради наказанія и не въ ожиданіи платы за работу, а изъ любви къ отцу и вообще — къ односемейнымъ. Таковъ и творящій добро, исполняющій волю Божію не

ради чего-либо другого, а единственно изъ любви къ Богу и ближнему. На самой же высшей степени нравственнаго совершенства стоятъ тѣ, о которыхъ самъ Господь Богъ рекъ: «Вы друзи Мои есте» (Іоан. зач. 51). Въ этомъ чину — въ чину друзей Божіихъ, состояли святые апостолы, и состоятъ всѣ, которые подобно имъ творятъ добро ради самого добра, изъ любви къ добру. А такъ какъ Богъ есть Добро неизреченное, то понятно — и изъ любви къ Нему во-первыхъ — но не только какъ къ Отцу, а и какъ къ Тому, Кто по неизреченной Своей любви и благости благоволилъ почтить ихъ именемъ друзей Своихъ.

Итакъ, если бы не было ни вѣчныхъ адскихъ мученій за злыя дѣла, ни вѣчнаго блаженства въ царствіи небесномъ за добродѣтели, и тогда мы должны бы творить добро по другимъ высшимъ побужденіямъ: изъ любви къ Богу, и Его тварямъ и ради самого добра. Если же на кого не дѣйствуютъ и болѣе чувствительныя побужденія, если кого не можетъ отучить отъ зла даже страхъ ужасныхъ вѣчныхъ мукъ и увлечь творить добро ожиданіе вѣчнаго неизреченнаго блаженства, тотъ за одно это достоинъ самыхъ страшныхъ мученій и лишенія всякаго блаженства въ будущей жизни. Онъ не достоинъ названія даже наемника и раба; онъ — легкомысленный и наглый расточитель ввѣреннаго ему богатства. Это — первая степень нравственнаго паденія. Вторая степень этого паденія: если кто творитъ зло изъ пренебреженія или безчувствія къ своимъ ближнимъ, или ради самолюбія и тщеславія, чтобы его хвалили за удальство въ злыхъ и порочныхъ дѣлахъ. Это — своекорыстный измѣнникъ Богу. Но есть и такіе, что дѣлаютъ зло изъ ненависти къ людямъ и другимъ тварямъ Божіимъ. Это — разрушители дѣла Божія, — настоящіи злодѣи; они находятся на третьей, особенно низкой степени нравственнаго паденія. На самой же низкой степени этого паденія пребываетъ творящій зло изъ любви къ злу и ненависти къ добру и къ самому Богу. Это — врагъ Божій, это — состояніе демоновъ, — самая послѣдняя и самая ужасная степень паденія нравственности.

Какъ же избавиться отъ нравственнаго паденія, отъ совершенія злыхъ и безнравственныхъ дѣлъ и поступковъ,

если къ этому иногда чувствуется почти непреодолимое влеченіе? — Не иначе, какъ только постоянно творя добрыя дѣла. Созданный по образу и подобію Творца, человѣкъ не можетъ быть въ бездѣйствіи: само естество понуждаетъ его постоянно творить и творить. А что творить — это дѣло его воли и самовластія. Отсюда, если кто не творитъ добра, — творитъ зло, если не стремится впередъ или вверхъ, — пада етъвнизъ. Иначе и быть не можетъ. Чтобы держаться надъ землей, птица должна непремѣнно летѣть или вверхъ или впередъ; не можетъ она, сложивъ крылья, оставаться въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, а не то упадетъ и убьется. Такъ и человѣкъ въ атмосферѣ нравственнаго состоянія не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а долженъ постоянно двигаться или вверхъ, или впередъ, чтобы не упасть. Поэтому страшно, жестоко ошибаются думающіе оставаться въ такомъ состояніи, чтобы не творить ни добра, ни зла. Уже одно то, что не дѣлаешь добра, есть великое зло. Время нашей жизни есть не иное что, какъ талантъ, или по-теперешнему сказать, капиталъ, данный намъ отъ Бога для постояннаго употребленія его, и только на добрыя дѣла. Слѣдовательно, не творящіе добра и думающіе, что не дѣлаютъ зла, поступаютъ, какъ приказчикъ, который, закрывъ хозяйскій магазинъ, не производилъ бы торговли, или какъ тотъ рабъ, который зарылъ талантъ въ землю, не употребивъ его ни на какое дѣло, и потомъ возвратилъ его въ цѣлости, думая, что хорошо сдѣлалъ. Но что ему за это было? Отобрали у него талантъ и бросили во тму кромѣшнюю, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ (Матѳ. зач. 150). Нельзя значитъ быть въ бездѣйствіи, не творя ни добра, ни зла. Нужно всегда творить добро, чтобы находиться на какой-нибудь степени нравственнаго совершенства. Только такимъ путемъ можно удержаться отъ склонности ко злу.

Но и добро творя, мы должны стремиться къ высшему совершенству. Одно и то же доброе дѣло люди творятъ по различнымъ побужденіямъ, отчего и находятся на различныхъ степеняхъ нравственнаго совершенства. Взять хотя бы, напримѣръ, добродѣтель милостыни. Многіе подаютъ съ тѣмъ, чтобы за нихъ непремѣнно молились.

Это, конечно, дѣло не худое. Взявшій милостыню нравственно обязанъ молиться Богу за подавшаго ее. Но подавать съ тѣмъ условіемъ, чтобы обязательно молились за подателя, не есть чистая и совершенная милостыня; въ ней откровенно выступаетъ что-то корыстное, да еще насколько корыстное: платятъ деньги, чтобы воспользоваться плодами молитвы, которые неизмѣримо лучше и дороже всякихъ денегъ, цѣннѣе всякихъ вещей. Этимъ я отнюдь не думаю порицать подающихъ на молитву. Нѣтъ, — напротивъ, искренно желаю, чтобы это нужное и спасительное врачевство христіане всегда употребляли бы для облегченія страданій своей совѣсти, для исцѣленія своихъ душевныхъ болѣзней и для укрѣпленія здравія духа, чувства и ума. Но я лишь то хочу сказать, что такое подаяніе — даяніе за молитву не слѣдовало бы называть въ собственномъ смыслѣ милостыней, а лучше — вознагражденіемъ за молитвенные труды, которые тяжелѣе, отвѣтственнѣе и драгоцѣннѣе всякихъ другихъ трудовъ, и которыми пользуются благотворители за свои подаянія и благодѣянія.

Чистая и совершенная милостыня, какъ и всякая такая добродѣтель, — безусловно чужда всякой корысти. По заповѣди Господа, должно не только милостыню, но и взаймы давать безкорыстно: «ничесо же чающе получити» (Лук. зач. 25). Но и этого мало. Мы, христіане, должны подавать милостыню и вообще благотворить не только тѣмъ, которые любятъ насъ и молятся за насъ, или отъ которыхъ мы ничего подобнаго не ожидаемъ получить, но и тѣмъ, которые ненавидятъ насъ. «Благотворите ненавидящимъ васъ, — рекъ Спаситель, — яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ: яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя» (Матѳ. зач. 15). Если же будемъ благотворить только любящимъ насъ, то едва ли будемъ отличаться даже отъ язычниковъ, которые также любящихъ ихъ любятъ и благотворятъ имъ (Матѳ. зач. 15; Лук. зач. 26).

Но если кто настолько безсердеченъ и жестокъ, что не подаетъ ничего даже ради молитвы за него, не оказывая такимъ образомъ благодѣяній и любящимъ его, то онъ

хуже язычника, горше невѣрнаго. «Аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть», — свидѣтельствуетъ святый апостолъ Павелъ (1 Тим. зач. 285).

Стремясь къ высшему нравственному совершенству — быть сыномъ и другомъ Божіимъ, не должно отчаиваться, если, повидимому, не достигаешь его: находишься въ чину раба или наемника. Случалось, что добро оказывалось спасительнымъ, когда было сдѣлано и не совсѣмъ по чистымъ побужденіямъ. Въ «Прологѣ» разсказывается повѣсть о нѣкоемъ Петрѣ милостивомъ, который прежде былъ до того немилостивъ, что никогда никому не подавалъ ничего. Однажды нищіе, разсуждая между собою о разныхъ благотворителяхъ и неблаготворителяхъ, удивлялись немилосердію Петра, который скупостью своею превзошелъ всѣхъ, такъ что не было еще случая, чтобы кто выпросилъ у него хоть какую-нибудь милостыню. Одинъ изъ нихъ сталъ увѣрять, что выпросилъ у Петра. Другіе заспорили. Чтобы доказать свое искусство, нищій пошелъ и сталъ просить у Петра, который въ это время складывалъ хлѣбы съ возовъ въ амбаръ. Петръ сначала не обращалъ на него вниманія, занимаясь своимъ дѣломъ. Но неотвязный нищій неотступно просилъ и до такой степени надоѣлъ Петру, что онъ окончательно вышелъ изъ себя и въ порывѣ гнѣва кинулся схватить что-нибудь, чтобы отогнать назойливаго просителя. Но вблизи не оказалось ни камня, ни палки, и ничего другого, кромѣ караваевъ хлѣба. Петръ схватилъ каравай и запустилъ имъ въ нищаго, который, взявъ его, принесъ къ товарищамъ, какъ доказательство своего успѣха. Вскорѣ послѣ этого Петръ заболѣлъ и приблизился къ смерти. Богъ открылъ ему въ видѣніи, что за нимъ не оказалось ни одного добраго дѣла, кромѣ милостыни, которую онъ невольно сотворилъ, бросивъ въ нищаго хлѣбъ. За это ему было дано время покаяться. Это такъ подѣйствовало на Петра, что онъ сталъ необычайно милостивъ: отпустилъ всѣхъ своихъ рабовъ на волю и все имущество роздалъ нищимъ до послѣдней копейки. Когда ничего не осталось раздавать, Петръ велѣлъ продать себя въ рабство и вырученныя

деньги раздать неимущимъ. Заслужилъ такимъ образомъ царствіе небесное, и былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Итакъ, если изъ такого нечистаго побужденія, какъ гнѣвъ, сдѣланное подаяніе вмѣнено въ милостыню и послужило причиной спасенія сотворившаго ее, — тѣмъ болѣе спасительно оно и вообще всякое добро, когда творится оно по другимъ чисто благороднымъ побужденіямъ.

Стремитесь же творить добрыя дѣла по всѣмъ побужденіямъ, при всякомъ нравственномъ состояніи: добро всегда будетъ добромъ, хотя и не одинаковаго достоинства. Да поможетъ вамъ Господь Богъ приносить плоды добра въ сто разъ, или хотя въ шестьдесятъ и въ крайнемъ случаѣ — въ тридцать, по притчѣ евангельской. А отъ состоянія сѣмянъ, изсохшихъ при дорогѣ, заглушенныхъ терніемъ, или погибшихъ на камнѣ, да сохранитъ Онъ васъ Своею благодатію и человѣколюбіемъ.

Будущее и настоящее состояніе людей.

Слово на праздникъ Преображенія Господня[1]).

Говоритъ вамъ, братіе, о нынѣшнемъ праздникѣ Преображенія Господня, о его величіи и значеніи почитаю излишнимъ, такъ какъ все это вы могли ясно понять и усвоить изъ читаннаго за настоящей службой святаго евангелія и толкованія на него святыхъ отцовъ.

Я намѣренъ обратить ваше вниманіе на то только, что въ то время, когда Христосъ преобразился, произошло необычайное событіе: явились съ того свѣта Моисей и Илія, которыхъ увидѣли бывшіе при этомъ апостолы: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ. Этимъ Богъ открылъ намъ, что душа человѣка смертію его не уничтожается, а продолжаетъ жить и по разлученіи съ тѣломъ, и что кромѣ здѣшняго, видимаго міра, существуетъ еще другой, загробный, духовный, небесный. Однако, постигнуть его хотя нѣсколько, или какъ-нибудь проникнуть въ него, для насъ, при грубости нашихъ чувствъ, при нашихъ грѣхахъ и страстяхъ совершенно невозможно. Знать о немъ и о переселившихся въ него мы можемъ только то, что намъ открываетъ о нихъ, что даетъ священное писаніе. А оно даетъ намъ, хотя весьма немногія и краткія, но зато весьма важныя, интересныя и полезныя для насъ свѣдѣнія относительно находящихся на томъ свѣтѣ. Изъ него мы узнаемъ, напримѣръ, что для нихъ не существуетъ никакого пространства, или разстоянія. Какъ далеко отъ нашей земли рай? какъ далеко адъ? И однако, по мановенію Божію, въ одно мгновеніе Моисей предсталъ изъ ада, а Илія изъ рая на гору

[1]) Произнесено во время нижегородской ярмарки.

Ѳаворскую. И такимъ свойствомъ обладаютъ не только однѣ души безъ тѣлъ, но и соединенныя съ тѣломъ. Ибо Илія, представшій на Ѳаворѣ, взятъ былъ на небо живымъ, значитъ съ тѣломъ.

Души умершихъ могутъ видѣть и слышать на невообразимыя разстоянія. Какъ далеко адъ отъ рая, и однако же богатый оттуда «издалече» увидалъ въ раю Авраама и Лазаря на лонѣ его, и когда заговорилъ, Авраамъ услыхалъ его, и они повели между собою разговоръ и слышали другъ друга, какъ вотъ вы сейчасъ слышите меня.

Вѣдѣніе душъ умершихъ тоже необычайно: онѣ узнаютъ другъ друга, даже раньше никогда не видавшись. Такъ богатый, увидавъ Авраама, сразу узналъ его и назвалъ по имени; также и Авраамъ—его. Кромѣ того, онѣ знаютъ не только то, что творилось, или творится на семъ свѣтѣ. но и будущее. Такъ, Авраамъ сказалъ богатому: «Помяни, яко воспріялъ если благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая» (Лук. зач. 83). Слѣдовательно онъ зналъ, что было съ ними на этомъ свѣтѣ. Еще Авраамъ сказалъ богатому, что если его братья не послушаютъ писанія, то не послушаютъ и явившагося къ нимъ съ того свѣта. Также Моисей и Илія говорили съ Христомъ о томъ, что имѣло совершиться съ Нимъ во Іерусалимѣ: слѣдовательно они знаютъ будущее.

Что же они тамъ чувствуютъ, каково вообще ихъ душевное состояніе? — Какъ грѣшныхъ, такъ и праведныхъ оно необычайно. Для первыхъ необычайныя нестерпимыя муки; такъ что грѣшный богачъ просилъ хотя капли воды на языкъ, чтобы хотя нѣсколько облегчить свои страданія. Но и этой ничтожной отрады не могъ получить. Тамъ огонь вѣчный, червь неусыпающій, тамъ тьма кромѣшная, тамъ плачъ и скрежетъ зубомъ, — какъ свидѣтельствуетъ Самъ Богъ.

Блаженство святыхъ также чрезвычайно невообразимо. «Ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его» (1 Кор. зач. 127), то-есть, такое блаженство, котораго мы и представить себѣ не можемъ. Чтобы дать намъ хотя приблизительное понятіе о состояніи святыхъ, Спа-

ситель сказалъ, что они «просвѣтятся яко солнце» (Мѳ. зач. 54).

Такимъ образомъ святое писаніе даетъ намъ, хотя немногія и краткія, но зато весьма разительныя и вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія относительно представльшихся въ вѣчную жизнь.

Казалось бы больше искать и желать нечего. Если Богъ открылъ, что души безсмертны, то сомнѣваться въ этомъ и неразумно и нечестиво. Но нѣтъ, — теперь появились разные безбожники, ни во что невѣрующіе, которые, не взирая ни на что, говорятъ, что душа человѣческая не безсмертна, что она уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ. Вѣроятно, и вамъ, какъ людямъ бывалымъ, приходилось слышать подобныя легкомысленныя нечестивыя ученія, но, братіе, это противно не только священному писанію, но и опыту, и здравому смыслу. Извѣстно, что въ мірѣ ничто не уничтожается: отъ самаго созданія міра ни одной даже пылинки не уничтожилось. Въ мірѣ все лишь видоизмѣняется, но отнюдь не уничтожается. Возьмемъ, напримѣръ, кусокъ льду и постараемся уничтожить его: поставимъ въ тепло; черезъ нѣсколько времени его не стало: онъ растаялъ, повидимому, уничтожился. Но нѣтъ— не уничтожился, а лишь превратился, или видоизмѣнился въ воду. Погрѣйте эту воду, чтобы уничтожить ее: черезъ нѣсколько времени ея не стало, она высохла, улетучилась, и какъ бы совершенно уничтожилась; но нѣтъ, — она не уничтожилась, а только видоизмѣнилась въ паръ. Такъ и всякая тварь, такъ и человѣкъ. Тѣло человѣка, какъ взятое изъ земли, и состоитъ изъ тѣхъ веществъ, которыя есть въ землѣ; въ немъ есть и глина, и желѣзо, и известь, и соли и разные другіе минералы и металлы. Когда человѣкъ умираетъ, тѣло его не уничтожается, а лишь видоизмѣняется, разлагается на свои составныя части: что состоитъ изъ извести, превращается въ известь, а что изъ желѣза — въ желѣзо и проч. Но во что же, спрашивается, превратится человѣческій умъ, мысль, совѣсть, память, воля, сознаніе и прочія свойства и способности души, лучше же сказать: сила, или сущность, проявленіемъ которой они служатъ? Неужели все это превратится

въ землю? А уничтожиться оно не можетъ, ибо ничто въ мірѣ не уничтожается. Если душа есть часть, или продуктъ тѣла, какъ говорятъ нѣкоторые, — а все, что есть въ тѣлѣ, есть и въ землѣ, то слѣдовательно въ землѣ есть и совѣсть, и воля, и память, и умъ, и сознаніе, и мысль, и проч. Нѣкоторые нѣмецкіе философы, не желая, изъ-за ложнаго и глупаго стыда, признать душу безсмертной и въ то же время стараясь быть послѣдовательными-логичными, такъ дѣйствительно и признаютъ и учатъ, что земля, или сказать точнѣе, матерія имѣетъ умъ, совѣсть, волю, сознаніе и проч. Таковъ неумолимый законъ логики: одно заблужденіе ведетъ съ собой другое. Это заблужденіе сначала было подхвачено многими съ восторгомъ, но вскорѣ съ такимъ же восторгомъ было осмѣяно и отброшено. Не лучше ли признать, что душа не матеріальна, не вещественна, что она и послѣ смерти тѣла продолжаетъ существовать, или жить, чѣмъ путаться въ нелѣпостяхъ?

Иные говорятъ еще: если души послѣ смерти тѣлъ продолжаютъ жить, то почему мы ихъ не видимъ и не слышимъ, почему онѣ не являются къ намъ и ничѣмъ не проявляютъ своего существованія? И не только души людей, но и вообще міръ духовъ для насъ недоступенъ. Почему бы не явиться кому-либо съ того свѣта и не разсказать намъ о томъ, что тамъ творится? — Да просто потому, что состояніе душъ и вообще существъ духовнаго міра совершенно иное, чѣмъ наше: оно непонятно и непостижимо для нашихъ грубыхъ чувствъ, для нашего ограниченнаго и омраченнаго грѣхами ума, такъ что, при всемъ желаніи со стороны нашей и со стороны безплотныхъ существъ, мы не можемъ другъ друга видѣть, понимать, или имѣть какія-либо очевидныя сношенія. Это можно нѣсколько объяснить такимъ примѣромъ. Животныя не могутъ понимать насъ: наша человѣческая культура, наука, искусство, промышленность, литература, архитектура, математика, вообще — произведенія ума, чувства добра и зла, истины и лжи,— все это для нихъ непонятно и непостижимо, все это для нихъ не существуетъ. При всемъ своемъ желаніи, мы не можемъ передать имъ своихъ понятій и чувствъ. Попробуйте вы толковать, напримѣръ, лошади

или коровѣ о красотѣ стиля какого-либо писателя, прочитайте ей сочиненіе чье-либо, она совершенно ничего не пойметъ, сколько бы вы ни старались. Для животныхъ мы существуемъ потому только, что они насъ видятъ и слышатъ нашъ голосъ. Но если бы мы для нихъ были невидимы, если бы они не могли слышать нашего голоса, тогда. несмотря на то, что мы жили бы среди нихъ, строили бы города, занимались словесностью, литературой, наукой. искусствомъ и проч., они совершенно не знали бы, что мы существуемъ; для нихъ мы были бы существами непостижимыми, сверхъестественными. — Вотъ такъ же для насъ непостижимы духовныя существа: ангелы и души. Разница только въ томъ, что животныя не имѣютъ и не могутъ имѣть того, посредствомъ чего мы понимаемъ и творимъ: у нихъ нѣтъ разумной души. А у насъ есть то чувство, которымъ мы можемъ проникать въ горній міръ; только оно почти умерщвлено, какъ бы заслонено непроницаемой стѣной, и пока мы находимся въ такомъ состояніи, до тѣхъ поръ намъ ничего нельзя даже разсказать о загробномъ мірѣ, если бы кто и явился оттуда, потому что мы и понимать того не можемъ. Святый апостолъ Павелъ восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченные глаголы (2 Кор а-чало 194). Но разсказать людямъ ничего не могъ, а ска лъ лишь, что «не лѣть есть человѣку глаголати» (тамъ : е) о томъ, что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ, чувствовалъ и понималъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте разсказать слѣпому отъ рожденія, что такое бѣлое и черное, красное и зеленое, — онъ васъ совсѣмъ не пойметъ. Одинъ слѣпой, говорятъ. спросилъ: какого цвѣта молоко? — Ему отвѣтили: бѣлое-Да какое бѣлое? — Ну, оно бѣлое, какъ снѣгъ. — А по чему оно не хрупкое, а жидкое? — Такъ и не могли объяснить слѣпому, что такое бѣлое, при всемъ желаніи съ обѣихъ сторонъ. А стоило бы только дать ему зрѣніе. и онъ безъ всякихъ толкованій и объясненій понялъ бы. что такое бѣлое. Такъ и намъ стоитъ лишь пріобрѣсти, или развить въ себѣ то чувство, посредствомъ котораго только и можно созерцать горній міръ безплотныхъ духовъ, и мы тогда поймемъ и увидимъ все это. Какое же это чувство? Это чувство — чистота сердца, чистота со-

вѣсти и ума. «Блаженни чистіи сердцемъ, — сказалъ Христосъ, — яко тіи Бога узрятъ» (Матѳ. зач. 10). А если уже Бога узрятъ чистые сердцемъ, то тѣмъ болѣе ангеловъ и души святыхъ Его. Такъ, великіе подвижники, великіе угодники Божіи и сподоблялись видѣній премірныхъ силъ, достигнувъ необычайной для насъ чистоты сердца. Впрочемъ, и сподобившіеся такой благодати не могли въ совершенствѣ постигнуть горній міръ. «Видимъ убо нынѣ яко же зерцаломъ въ гаданіи, — говоритъ апостолъ, — тогда же лицемъ къ лицу» (1 Кор. зач. 154), то-есть въ совершенствѣ постигнуть горній міръ и получить заслуженно мздовоздаяніе мы можемъ только послѣ всеобщаго воскресенія, послѣ страшнаго суда.

Еще иные, соглашаясь, что души не уничтожаются по смерти тѣлъ, а продолжаютъ жить, говорятъ, что муки грѣшнымъ не будетъ, Богъ милосердъ: зачѣмъ же Онъ будетъ мучить, жарить людей на огнѣ? Онъ по Своей благости проститъ намъ всѣ грѣхи. Какая Ему польза отъ нашихъ мученій? — Такъ разсуждаютъ невѣдущіе писанія, ни силы Божіей (Матѳ. зач. 91), забывая сказанное: «чесо ради прогнѣва нечестивый Бога? — Рече бо въ сердцы своемъ: не взыщетъ» (псал. 9). Противъ этого, въ доказательство и объясненіе дѣйствительности будущихъ адскихъ мукъ, нѣкоторые представляютъ такія соображенія: Богъ, дѣйствительно, милосердъ, готовъ простить намъ всѣ грѣхи, но при условіи, если мы того пожелаемъ, если мы раскаемся, испросимъ у Него прощенія; а иначе Онъ насъ не можетъ простить. Какъ можно простить того, кто не желаетъ и не проситъ прощенія, — того, кто, не считая себя виновнымъ, обвиняетъ другихъ и даже Самого Бога и имѣетъ злобу и гордость вмѣсто любви и раскаянія? И какъ не терпѣть мученій тому, кто не прощенъ? На томъ свѣтѣ не Богъ насъ будетъ мучить, а мы сами себя. Не ощущаемъ ли мы, не предвкушаемъ ли и на этомъ свѣтѣ адскихъ мукъ, хотя въ чрезвычайно слабой, ничтожной степени? Не случалось ли каждому изъ васъ, по совершеніи какого-либо дурного, безнравственнаго поступка, или грѣха, чувствовать внутри себя какую-то тоску, досаду на самого себя, какую-то сильную душевную муку, щемленіе сердца, такъ

что не знаешь, куда и дѣться? Даже при одномъ только воспоминаніи о совершеніи такихъ поступковъ, или грѣховъ, если не раскаялся въ нихъ, чувствуешь то же самое страшное, мучительное терзаніе совѣсти, какъ бы болѣзнь души. Представьте же себѣ теперь, что эти мученія усилились бы вдвое или вдесятеро, или въ нѣсколько тысячъ разъ: тогда они были бы нестерпимы, ужасны; тогда въ тебѣ былъ бы настоящій адъ, жизнь была бы ужасающимъ мученіемъ. Однако на томъ свѣтѣ эти мученія увеличатся не въ тысячу, а въ неизмѣримое число разъ. Но теперь люди спасаются отъ этихъ мученій совѣсти тѣмъ, что забываютъ о своихъ грѣхахъ. Если нельзя забыть естественно, то стараются сдѣлать это искусственно: пьянствомъ или куреніемъ ядовитыхъ растеній. А если бы человѣкъ не могъ забыть ни на минуту своихъ дурныхъ поступковъ, своихъ грѣховъ, если бы они постоянно лежали на его душѣ, то жизнь стала бы постояннымъ и нестерпимымъ мученіемъ. Такъ было съ Іудою-предателемъ: его омерзительный поступокъ предательства легъ на его душу тяжелымъ камнемъ, мучилъ, давилъ его, такъ что жизнь стала ему такимъ невыносимымъ сплошнымъ мученіемъ, что онъ вынужденъ былъ насильно прекратить ее — удавиться. Но на томъ свѣтѣ нельзя ничего подобнаго сдѣлать — нельзя забыть своихъ поступковъ, нельзя и прекратить своей жизни: вѣчное нестерпимое терзаніе совѣсти будетъ сопровождаться страшнымъ отчаяніемъ.

И вотъ, чтобы облегчить нѣсколько эти внутреннія невообразимыя страданія людей, Богъ попуститъ тогда имъ внѣшнюю муку. Такъ и теперь, при сильныхъ душевныхъ страданіяхъ, люди часто сами стараются причинить себѣ внѣшнія мученія: терзаютъ на себѣ волосы, кусаютъ языкъ, грызутъ руки и т. п., чтобы отвлечь внутреннія страданія ко внѣ, чтобы нѣсколько облегчить ихъ. Такъ и Богъ пошлетъ людей во внѣшній огонь для нѣкотораго облегченія ихъ страданій. Поэтому-то и сказано въ одномъ мѣстѣ, что Богъ устроилъ муки по Своему милосердію. Если бы Богъ посѣялъ грѣшниковъ съ ихъ внутренними страшными мученіями въ раю, то страданія ихъ только увеличились бы въ неизмѣримое число разъ; ибо внѣш-

ныя, такъ сказать, обстановка не соотвѣтствовала бы ихъ внутреннему состоянію. Они видѣли бы вокругъ себя вѣчное веселіе праведныхъ, неизъяснимое блаженство и ликованіе, но сами, при своемъ душевномъ состояніи, не могли бы стать такими, или принять хотя малѣйшее участіе въ ихъ блаженствѣ, отчего муки ихъ только усилились бы. Такъ и нынѣ люди, когда чувствуютъ внутри себя муку, а вокругъ нихъ происходитъ веселье, то ихъ страданія не облегчаются, а лишь увеличиваются, почему они стараются удалиться изъ такихъ мѣстъ и сдѣлать внѣшнюю обстановку соотвѣтственно своему душевному настроенію: на все надѣваютъ трауръ. Вотъ такъ и Богъ удалитъ грѣшныхъ отъ праведныхъ, чтобы ихъ мученія не увеличивались еще болѣе.

Справедливы или нѣтъ эти объясненія, одно несомнѣнно, что муки будутъ и притомъ нестерпимыя вѣчныя, и что это не противорѣчитъ свойствамъ правосуднаго Бога, такъ какъ причиною ихъ будутъ наши злыя дѣла и наша собственная совѣсть, ужасающимъ образомъ терзающая насъ за нихъ. Объ этихъ-то дѣлахъ — о дѣлахъ, творимыхъ нами, я и намѣренъ сказать сейчасъ нѣсколько словъ.

Вы, братіе, съѣхавшіеся на здѣшнюю ярмарку, большею частью, люди состоятельные, зажиточные, богатые. Поэтому считаю приличнымъ и полезнымъ для васъ напомнить о бѣдныхъ, нищихъ, неимущихъ. Вы сами знаете, сколько нуждающихся въ необходимомъ: въ жилищѣ, пищѣ, одеждѣ и проч.; сколько протягиваются рукъ съ просьбой подать копейку на хлѣбъ! Положеніе нищихъ весьма жалко и печально. Въ самомъ дѣлѣ, какъ тяжело протягивать руку за подаяніемъ! Многимъ это кажется такъ тяжело и унизительно, что, дойдя до такого состоянія и не имѣя упованія на Бога, они лишали себя жизни: значитъ, жизнь для нихъ стала невыносимой. Хотя, конечно, просить на дѣйствительную нужду не составляетъ позора, но никому не дай Богъ дойти до этого! «Блаженнѣе есть даяти, нежели пріимати», рекъ Спаситель (Дѣянія зач. 44). Вы, вѣроятно, содрогаетесь при одной мысли дойти до того, чтобы протягивать руку за подаяніемъ.

Но какъ ни худо, какъ ни низко состояніе нищихъ, однако есть люди, павшіе неизмѣримо ниже ихъ. Это — воры, жулики, мошенники, разбойники, анархисты и вообще люди, насильно отнимающіе чужую собственность и жизнь. Ничто не можетъ оправдать ихъ, — даже и то, если бы они дѣлали это вслѣдствіе крайней нужды въ необходимомъ или и съ добрыми побужденіями и цѣлями; ибо грабить, похищать чужую собственность — крайне безнравственно. Это есть преступленіе противъ Бога, противъ совѣсти, противъ ближняго, противъ общества, противъ даже человѣческихъ законовъ и порядковъ. Воръ, жуликъ, грабитель, бунтовщикъ — слова ругательныя и оскорбительныя. Заслужившіе ихъ заслужили отвращеніе и порицаніе, тогда какъ просящіе на дѣйствительную нужду достойны сожалѣнія и вниманія. Похищеніе чужой собственности или воровство — самое низкое, самое грязное и позорное дѣло. Такимъ его считаютъ всѣ; и справедливо, такъ какъ хуже вора, разбойника и имъ подобныхъ ничего и быть не можетъ; ниже этого, кажется, и пасть нельзя!

Да, — это только кажется, что нельзя пасть ниже воровъ, разбойниковъ и имъ подобныхъ. На самомъ же дѣлѣ есть люди, павшіе и пребывающіе еще ниже ихъ въ нравственномъ отношеніи; есть люди, и ихъ очень много, если не всѣ, которые похищаютъ, а нерѣдко и грабятъ чужую собственность, иногда самымъ наглымъ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Взгляните вы каждый на самого себя: если ты продаешь негодный товаръ за хорошій, — развѣ не обманъ и не воровство совершаешь? Если продаешь дороже, чѣмъ слѣдуетъ, — развѣ это не похищеніе чужой собственности, развѣ это не воровство? Если къ тебѣ пришелъ дѣйствительно нуждающійся, которому требуются деньги, какъ говорится, до зарѣзу, и ты отказалъ ему, когда могъ дать, или положилъ чудовищный процентъ, а онъ отъ этого разорился, лишился всего состоянія — ну, скажи на милость, развѣ ты не задушилъ человѣка? Если ты взялъ въ долгъ и не отдалъ, при возможности отдать, — развѣ это не грабежъ? Если ты далъ въ долгъ кому-нибудь, а онъ не можетъ тебѣ уплатить, и ты, несмотря на это, продалъ

у него все, — развѣ ты не грабежъ и не разбой совершилъ? Хозяинъ, не уплачивающій рабочимъ, обсчитывающій ихъ, или дающій крайне скудную плату, пользуясь ихъ безпомощностью и своимъ положеніемъ, чѣмъ разнится отъ вора и мошенника? Да чѣмъ отъ нихъ разнится и рабочій, нанявшійся работать, но не работающій или работающій недобросовѣстно и лѣниво, такъ, чтобы деньги пришлись ему почти даромъ? Каждый хочетъ жить на чужой счетъ. И кто свободенъ отъ такихъ дѣлъ? Всякій старается купить какъ можно дешевле, а продать какъ можно дороже; нанять какъ можно дешевле, а заставить работать какъ можно больше. Такъ же стремятся наняться какъ можно дороже, а сработать какъ можно меньше. Итакъ, всѣ грѣшны противъ восьмой заповѣди закона, гласящей: «Не укради». Но особенно сильно грѣшатъ противъ нея въ торговомъ дѣлѣ. Иной купитъ за рубль, а продастъ за два или за три, а то и за сто рублей; и говоритъ: я нажилъ вотъ столько-то. — Да зачѣмъ лукавить? Говори прямо: я наворовалъ вотъ столько-то. Въ самомъ дѣлѣ, когда бѣднякъ украдетъ на рубль или даже на гривенникъ, то кричатъ, что онъ воръ, жуликъ. А когда богачъ вытащитъ изъ чужого кармана нѣсколько тысячъ, посредствомъ разныхъ коммерческихъ сдѣлокъ и махинацій, то говорятъ: онъ нажилъ, и даже хвалятъ его за это. А сколько въ торговлѣ бываетъ разныхъ сдѣлокъ и продѣлокъ, посредствомъ которыхъ похищаютъ незамѣтно и подъ благовиднымъ предлогомъ чужую собственность, даже лишаютъ послѣдняго куска хлѣба, этого и перечислить невозможно!

Такъ что, говоря откровенно, по совѣсти, нѣтъ почти никакой разницы между открытыми ворами или мошенниками и такъ называемыми честными людьми, скрыто, тихо, какъ бы честнымъ путемъ похищающими чужую собственность. Разница между ними развѣ въ томъ только, что первыхъ вынуждаетъ дѣлать такъ, большею частью, нужда, безвыходное положеніе, а послѣднихъ — лихоимство, страсть сребролюбія, жадность наживы, алчность чужой собственности. Они поэтому даже хуже воровъ. Вора всѣ боятся, остерегаются, и потому ему довольно трудно похитить чужое; а они такъ дѣлаютъ, что ихъ

никто не опасается, и они безнаказанно и преспокойно похищаютъ чужую собственность удачнѣе всякихъ воровъ, высасывая изъ ближняго соки и многихъ пуская по міру, а иногда доводя даже до самоубійства. И несмотря на это, они почти всегда и у всѣхъ пользуются особымъ почетомъ и уваженіемъ, къ стыду и позору современнаго общества. Да и какъ имъ не пользоваться почетомъ, когда почти всѣ такъ дѣлаютъ: всѣ стараются жить на счетъ ближняго, всѣ стремятся присвоить, похитить чужую собственность всякими незаконными и «законными» способами, разными безчестными и честными путями! Не удивительно, что тѣ, которыхъ мы нынѣ презираемъ и гонимъ отъ себя, какъ послѣднихъ людей, быть можетъ, неизмѣримо лучше и выше въ нравственномъ отношеніи тѣхъ, которые считаются передовыми, или первыми, и даже благотворителями и благодѣтелями, и предъ кошелькомъ которыхъ многіе преклоняются и пресмыкаются. Не поэтому ли и сказано Спасителемъ: «И будутъ первіи послѣдніи и послѣдніи первіи» (Матѳ. зач. 80)? Ибо, «яже въ человѣцѣхъ высоко, мерзость есть предъ Богомъ».

На все это многіе, вѣроятно, возразятъ, что иначе и жить нельзя, что если все дѣлать безусловно по совѣсти, если, напримѣръ, платить рабочимъ всегда что слѣдуетъ, тогда какъ цѣны на ихъ производство падаютъ, въ силу разныхъ обстоятельствъ, конкуренціи и проч., если продавать все, по чемъ слѣдуетъ, и никогда не пользоваться случаемъ взять подороже, то будешь терпѣть одни лишь убытки и неминуемо разоришься. — Охотно вѣрю этому, — вѣрю и знаю, что хозяинъ иногда вынужденъ бываетъ уменьшить плату за ихъ работу; что часто требуется продать одинъ товаръ дороже, чѣмъ слѣдуетъ, потому что на другомъ терпишь убытокъ, то-есть приходится грабить потому, что тебя грабятъ. Вотъ поэтому-то и трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе, такъ трудно, что «легче вельбуду сквозь игольныя уши пройти, чѣмъ имъ войти въ царствіе Божіе» (Мар. зач. 46).

Въ самомъ дѣлѣ, при тѣхъ формахъ и условіяхъ жизни, какія люди построили, въ мірѣ вполнѣ по совѣсти жить и невозможно. Какое бы дѣло ты ни сталъ дѣлать,

всегда къ нему приплетается зло. «Міръ весь во злѣ лежитъ», — свидѣтельствуетъ священное писаніе (1 Іоанна зач. 47), а потому и заповѣдуетъ: «Не любите міра, ни яже въ мірѣ, аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ» (Іоан. зач. 70). Единственный способъ жить безусловно по совѣсти, согласно съ закономъ Божіимъ, — это: бросить все и бѣжать; отречься отъ міра, отъ всѣхъ дѣлъ его и отъ всякой собственности и заниматься только добрыми дѣлами и молитвою. Этотъ путь нравственнаго совершенства, или чистоты сердца и совѣсти указанъ не нами, а самимъ Христомъ. «Аще хощеши совершенъ быти, — говоритъ Онъ, — продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ» (Матѳ. зач. 79). Мало того, чтобы отвергнуть всякую свою собственность, Христосъ заповѣдуетъ еще отречься и отъ отца и матери, отъ жены и дѣтей, не говоря уже о прочихъ людяхъ, и даже отъ самого себя (Лук. зач. 77). Въ древнія времена святые отцы такъ и поступали: бросали все и уходили въ пустыню. Сколько тогда было пустынниковъ, подвижниковъ, иночествующихъ! Они исчислялись тысячами, даже десятками тысячъ. Почему, думаете вы, они бросали и богатство и всякое имѣніе? — Потому что съ богатствомъ и вообще съ имѣніемъ невозможно имѣть положительно полную, безусловно совершенную чистоту сердца, — невозможно угодить Богу. «Не можете, — сказалъ Спаситель, — работати (въ одно и то же время) Богу и мамонѣ, или богатству» (Мѳ. зач. 18). Бросивъ все, весь міръ и богатство и уйдя въ пустыню, святые достигали необычайнаго для насъ нравственнаго совершенства: чистоты сердца и совѣсти. Они занимались только молитвою и богомысліемъ; любили Бога всею душею своею, всею мыслію и всею крѣпостію своею; они никому не могли сдѣлать зла и имъ также. Они имѣли благодать и дарованія Святаго Духа; къ нимъ дѣйствительно пришелъ Христосъ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ и сотворилъ у нихъ обитель, по Своему обѣтованію; они чувствовали внутри себя неизъяснимую радость, невыразимое блаженство; они по опыту знали, что значитъ «царствіе Божіе внутрь васъ есть» (Лук. зач. 86), потому что постоянно ощущали его въ себѣ. И это внутреннее блаженство они

не соглашались промѣнять ни на какіе милліоны; ради него они терпѣли всѣ тѣлесные недостатки и не чувствовали этого. Вотъ почему въ древности такъ много людей шло въ иночество, отрекаясь отъ міра. Въ настоящее же время идутъ на это поприщѣ лишь тѣ, которые не годны въ мірѣ: старики, калѣки, или еще что въ родѣ этого; тогда какъ прежде шли лучшіе люди, слѣдившіе за своимъ внутреннимъ состояніемъ, за своей совѣстью. Теперь же никто почти за собой и не слѣдитъ; блаженство полагаютъ не въ чистотѣ сердца, не въ нравственномъ усовершенствованіи, а лишь въ наживѣ, въ богатствѣ, роскоши и соотвѣтственно этому живутъ, не имѣя мира и душевнаго покоя. Но стоитъ лишь серьезно углубиться въ самого себя, и здраво взглянуть на окружающую обстановку и среду, чтобы видѣть, что единственный способъ, или путь для пріобрѣтенія нравственнаго совершенства и чистоты сердца, — это безусловное отреченіе отъ міра.

Вы на это, быть можетъ, скажете: такъ неужели намъ всѣмъ итти въ иноки и монахи? — Очень желалъ бы этого. Но это почти вовсе невозможно. Однако не унывайте: есть другой путь къ спасенію и кромѣ указаннаго; можно и пребывая въ мірѣ, занимаясь мірскими дѣлами, въ то же время достигнуть вѣчнаго блаженства и спасенія. Этотъ путь или способъ указанъ Спасителемъ. «Сотворите себѣ други отъ мамоны неправеднаго, — сказалъ Онъ, — да егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя кровы» (Лук. зач. 80). Это изреченіе не очень понятно, почти темно. Поэтому требуется на немъ остановиться и разъяснить. Подъ словомъ «мамона» разумѣется вообще всякое богатство, которое и называется неправеднымъ. — Вы, быть можетъ, скажете: да вѣдь богатство не всегда бываетъ неправеднымъ; я, — скажетъ иной, — нажилъ его честнымъ путемъ, или получилъ по наслѣдству: почему же оно неправедное? — «Отъидите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его... — глаголетъ Господь, — и идутъ сіи въ муку вѣчную» (Мѳ. зач. 106). О комъ это сказано? — Не о тѣхъ, конечно, которые явнымъ грабежомъ и мошенствомъ наживаютъ себѣ имѣніе. Такіе, какъ открыто, сознательно творящіе волю врага Божія.

какъ бы передавшіеся на его сторону, не достойны и отвѣта праведнаго Судіи. А это сказано о тѣхъ, кто нажилъ имѣніе, хотя, повидимому, и честнымъ мутемъ, но не дѣлится съ неимущими, не питаетъ голодныхъ, не одѣваетъ нагихъ, вообще не помогаетъ нуждающимся. — Быть можетъ иной подумаетъ, что это несправедливо; что если я имѣю свою собственность, то имѣю право и распоряжаться ею, какъ хочу. — Да въ томъ-то и дѣло, что твоего въ мірѣ ничего нѣтъ, кромѣ злыхъ дѣлъ, тобою сотворенныхъ; остальное все не твое, а Божіе. Богъ сотворилъ міръ и все, что въ немъ, не для тебя одного, а для всѣхъ: какъ пищу, такъ и одежду, такъ и все необходимое и полезное человѣку. Слѣдовательно, какое ты имѣешь право пользоваться ими, такое же право имѣетъ и твой ближній — всякій человѣкъ.

Иной, пожалуй, и на это возразитъ, что если это усвоятъ всѣ и соотвѣтственно этому станутъ жить и дѣйствовать, то можетъ произойти величайшее зло, пожалуй всѣ обнищаютъ и разорятся. — Неправда. Отъ этого, напротивъ, могутъ произойти величайшія блага, о которыхъ мы сейчасъ и мечтать не смѣемъ; только прежде нужно всѣмъ, то-есть каждому, преобразить свое внутреннее душевное состояніе, очистить самого себя отъ всякія скверны плоти и духа, свою совѣсть и умъ отъ всякихъ грѣховъ и страстей. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди не были злы, если бы не было ни пьянства, ни разврата, если бы всѣ жили воздержно, если бы не было лѣни и жадности, если бы старались только помогать другъ другу, чѣмъ только можно и какъ только можно, словомъ, — если бы человѣкъ любилъ Бога безусловно, а ближнихъ, какъ самого себя,— тогда не было бы: «это мое, а это — твое», не было бы богатыхъ, но не было бы и бѣдныхъ, не было бы собственности, но не стало бы и нуждающихся, уничтожилось бы и происходящее отсюда зло. Что все это дѣйствительно такъ, доказывается фактами, событіями, самою жизнію. Это видно изъ исторіи, и притомъ самой достовѣрно исторіи — изъ священнаго писанія. Въ дѣяніяхъ апостольскихъ повѣствуется, что когда христіане были таковы, каковыми они должны быть, когда имѣли къ Богу и ближ-

нему совершенную любовь, тогда у нихъ не было никакой собственности, и потому не было и нищихъ. «Народу же вѣровавшему, — разсказывается тамъ, — бѣ сердце и душа едина и имѣніе едино, и ни единъ же что отъ имѣнія своего глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща... Благодать же бѣ велія на всѣхъ ихъ: не бяше бо нищъ ни единъ въ нихъ» (Дѣян. зач. 12). И не только при апостолахъ, но и долго послѣ нихъ христіане имѣли право говорить и говорили: «у насъ все общее, кромѣ женъ». А теперь приходится сказать наоборотъ, если не всѣмъ, то очень многимъ.

Вообще, доколѣ люди будутъ злы, дотолѣ необходимо и даже во многихъ отношеніяхъ полезно, чтобы была и собственность, и богатые, и бѣдные, и охранители всего этого. И чѣмъ больше у людей зла, чѣмъ меньше они думаютъ о небесномъ, чѣмъ крѣпче привязаны къ земному, тѣмъ тверже у нихъ все присвоено и закрѣплено, что мы и видимъ теперь, при настоящемъ положеніи вещей. Вѣдь нынѣ дѣло дошло, наконецъ, до того, что безплатно отпускаются только воздухъ и свѣтъ, а воду уже давно продаютъ, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ. Итакъ, если у тебя есть богатство, то не гордись имъ: Христосъ назвалъ его неправеднымъ мамономъ, какимъ бы способомъ оно ни было пріобрѣтено.

Теперь объяснимъ, что значитъ: «Сотворите себѣ други отъ мамона неправеднаго, да егда оскудѣете, примутъ вы въ вѣчныя кровы». Это значитъ: если вы нажили себѣ неправедное богатство, то пріобрѣтите имъ себѣ друзей такихъ, которые введутъ васъ въ царство небесное. Какъ же пріобрѣсти такихъ друзей? — Да раздавать, сколько можно, нищимъ, убогимъ, нуждающимся, и давать не только на пищу и одежду, но и на ученіе и просвѣщеніе умственное и нравственное, вообще — жертвовать на дѣла благотворенія. Вотъ какъ можно пріобрѣсти богатствомъ друзей, которые примутъ васъ, когда оскудѣете. Когда же оскудѣете — обнищаете? — Да когда умрете: тогда дѣйствительно оскудѣете, оказавшись положительно нищими, не имѣя ничего, кромѣ своихъ дѣлъ и поступковъ, злыхъ или добрыхъ. Вотъ тогда-то и явятся тебѣ друзья — дѣла благотворенія, дѣла любви, пріобрѣтенныя тобою

въ жизни; они-то и пріимутъ васъ въ вѣчныя кровы, то-есть въ вѣчное блаженство, въ царство небесное.

Потщитесь же, братія, жить честно, въ духѣ христіанской любви, постарайтесь ни подъ какимъ видомъ не похищать чужого нигдѣ: ни въ торговлѣ, ни въ работѣ и ни въ чемъ другомъ, а нажитое дѣлить съ ближними неимущими. Но, творя это, не думайте, что совершаете особенныя какія-то добродѣтели. Дѣлайте добро ради самого добра изъ любви къ Богу и ближнимъ, и не думайте, что вамъ за это должно дать награду. Жить честно и помогать нуждающимся — это наша прямая обязанность. Какъ дышать воздухомъ или ходить ногами не есть добродѣтель, а естественная потребность, такъ и все, что мы дѣлаемъ, хотя бы намъ и казалось добродѣтелью, на самомъ дѣлѣ не есть такова. Вся правда наша передъ Богомъ «яко рубъ поверженъ», — какъ брошенная тряпка. Гордиться поэтому намъ не чѣмъ, хотя бы и всѣ добрыя дѣла совершили, хотя бы исполнили все повелѣнное, какъ и сказалъ Спаситель: «Егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко рабы есми неключими, яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ» (Лук. зач. 84).

Страшно!

Человѣкъ, христіанинъ!

Что если бы всѣ люди узнали о всѣхъ твоихъ мысляхъ словахъ и дѣлахъ, какія ты когда-либо сотворилъ, или произнесъ? Какой бы стыдъ, какой страхъ и какія страданія пришлось бы тебѣ перетерпѣть! При одной мысли объ этомъ становится непріятно и жутко. А между тѣмъ неизбѣжно придетъ такое время, когда всѣ наши дѣла и слова, всѣ наши самыя сокровенныя мысли и чувства, даже такія, о которыхъ мы уже и забыли, будутъ открыты передъ нашими очами и предъ очами всѣхъ людей, какъ знакомыхъ намъ, такъ и незнакомыхъ.

Это будетъ, какъ извѣстно изъ священнаго писанія, на страшномъ и справедливомъ судѣ Христовомъ, когда, по выраженію священныхъ пѣснопѣній, «книги разгнутся и тайная вся обличатся». Книги «разгнутся» или раскроются не такія, какія люди изобрѣли и не такъ въ нихъ записаны наши дѣла, какъ мы записываемъ, что тогда-то такой-то совершилъ то-то и то-то. Нѣтъ, — всѣ наши дѣла записаны такъ, какъ бы сняты на фотографіи, или ближе сказать — какъ бы въ зеркалѣ. Какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ, стоящіе предъ нимъ предметы и видны въ немъ, такъ и даже еще болѣе будутъ видны всѣ наши дѣйствія, всѣ движенія нашего тѣла и мысли, всѣ наши дѣла и слова. Страннаго или необычайнаго въ этомъ нѣтъ ничего. Это объясняется даже физически. Извѣстенъ общепризнанный законъ природы, что ни одинъ атомъ, ни одна малѣйшая пылинка въ мірѣ не можетъ быть уничтожена никѣмъ и никакимъ образомъ. Сколько въ началѣ мірозданія сотворено Богомъ атомовъ, или самомалѣйшихъ

частицъ, на которыя только можно раздробить видимые предметы и изъ которыхъ состоитъ вселенная, столько ихъ и есть: ни одна изъ нихъ доселѣ не уничтожилась и уничтожиться не можетъ. Въ этомъ, между прочимъ, и состоитъ различіе между Богомъ и его тварію — человѣкомъ, что Богъ все произвелъ изъ ничего и все можетъ превратить въ ничто, а человѣкъ ни одной даже пылинки не можетъ сотворить изъ ничего и ни одной пылинки не можетъ уничтожить, превративъ ее въ ничто. Все, что на нашъ взглядъ, повидимому, уничтожается, на самомъ дѣлѣ не уничтожается, а лишь видоизмѣняется. Но не уничтожаются не только видимые предметы, или матерія, но и сила ихъ и явленія. Почему, напримѣръ, мы видимъ предметы и явленія? Потому что отъ нихъ исходятъ лучи, видимые нами. Эти лучи идутъ въ пространство безъ конца, потому что «міру Его (Бога) нѣсть предѣла». Ихъ не могутъ задержать никакія препятствія, ни стѣны, ни камни, ни земля. Благодаря этому, они могли бы быть видимы и сквозь непрозрачные предметы, сквозь дерево, желѣзо, землю и проч. Если же мы не видимъ ихъ сквозь подобные предметы, то не потому, что нельзя сквозь нихъ видѣть, а лишь потому, что наше зрѣніе слишкомъ несовершенно: устроено такъ, что мы не можемъ видѣть сквозь нихъ. Если бы мы обладали совершеннѣйшимъ зрѣніемъ, если бы мы могли видѣть всѣ предметы и явленія не только на близкое разстояніе, но и на громаднѣйшія — безпредѣльныя, то, несомнѣнно, даже теперь видѣли бы не только то, что сейчасъ творится передъ нами, но и то, что дѣлалось вчера, недѣлю, мѣсяцъ и даже сотни и тысячи лѣтъ тому назадъ: однимъ словомъ, могли бы видѣть всѣ свои и чужія дѣла и движенія. Но наше тѣлесное чувственное зрѣніе, разумѣется, не можетъ обладать такими свойствами; умственное же, или душевное, зрѣніе можетъ обладать ими въ сильнѣйшей степени. Поэтому на страшномъ судѣ Христовомъ, когда будемъ смотрѣть и видѣть не тѣлесными только очами, но и душевными, мы увидимъ всѣ свои и чужія дѣла, слова и мысли въ томъ видѣ, какъ они были нами сотворены, — увидимъ ихъ, какъ видимъ сейчасъ себя въ зеркалѣ, только еще въ большей степени. Въ сказаніи о мытар-

ствахъ преподобной Ѳеодоры разсказывается, что на мытарствахъ, при обличеніи ея дѣлъ, были представлены ей и лица, и мѣсто и время, и обстоятельства, когда, гдѣ и какъ совершила она какой-либо грѣхъ.

Такъ будутъ представлены и наши всѣ дѣла, какія мы сотворили въ теченіе всей своей жизни. Все, что мы когда-либо сдѣлали или чувствовали: ходили, сидѣли, лежали, двигались, говорили, думали, раздражались, ненавидѣли, любили, молились, лѣнились — все это записано, снято, отпечатано натурально, какъ бы въ зеркалѣ, но неизгладимо, на вѣчныя времена. Что̀ мы сейчасъ дѣлаемъ — я стою, говорю, вы слушаете, все, что мы сейчасъ думаемъ, — все это записывается, отпечатлѣвается несказаннымъ образомъ, и все это будетъ представлено на страшномъ судѣ, и все это мы тогда увидимъ, какъ видимъ сейчасъ, даже болѣе, потому что сейчасъ мы видимъ только наружныя дѣйствія и движенія людей, а тогда увидимъ и самыя ихъ мысли и даже малѣйшія движенія сердца. И какой необычайный страхъ, какой ужасный стыдъ и какія внутреннія невообразимыя мученія охватятъ всѣхъ, кто дѣлалъ зло, жилъ распутно, лгалъ, обманывалъ, работалъ своимъ страстямъ, своимъ животнымъ влеченіямъ, стараясь въ то же время казаться передъ людьми благочестивымъ или, по крайней мѣрѣ, порядочнымъ человѣкомъ. Если и сейчасъ, когда узнаютъ хотя объ одномъ какомъ-либо скрытомъ поступкѣ нашемъ, и то какъ тяжело намъ бываетъ! А когда все наше сокровенное будетъ явлено предъ всѣмъ міромъ и не на мгновеніе, но навсегда останется извѣстнымъ, видимымъ для всѣхъ, что̀ тогда мы почувствуемъ?! Что̀ почувствуютъ тогда грѣшники, когда сверхъ всего этого Самъ справедливый Судія отвратится отъ нихъ, какъ отъ проклятыхъ, какъ отъ отверженныхъ, недостойныхъ помилованія за ихъ злыя дѣла, за ихъ нечестіе, ожесточеніе, отчаяніе и нераскаяніе!

Но это же обстоятельство, что всѣ наши дѣла, слова и мысли будутъ представлены предъ очами всего міра, будутъ видимы и нами и всѣми разумными существами, — это обстоятельство, которое явится источникомъ страшныхъ мученій, страданій и стыда для нераскаянныхъ

грѣшниковъ, — для чистыхъ сердцемъ, или совѣстью, для святыхъ явится источникомъ неизреченной радости и блаженства, несказаннаго веселія и славы. Если и въ настоящее время насъ радуетъ, когда наши честныя намѣренія понимаютъ, когда наши чистыя дѣла видятъ и цѣнятъ, когда о нашихъ добрыхъ дѣлахъ знаютъ и прославляютъ Бога, то какую же радость, какое веселіе и блаженство должны чувствовать праведники, когда все это въ необычайной степени будетъ явлено предъ всѣмъ міромъ, предъ людьми и ангелами! А когда при этомъ всевышній и справедливый Судія прославитъ ихъ, какъ благословенныхъ Имъ, какъ достойныхъ наслѣдниковъ Его царствія, вѣчнаго и неизреченнаго, что тогда они почувствуютъ! Тогда они дѣйствительно «просвѣтятся, яко солнце въ царствіи Отца ихъ» (Матѳ. зач. 54).

Многіе любопытствуютъ, будутъ ли обнажены и явлены на страшномъ судѣ и тѣ дѣла, въ которыхъ принесено покаяніе? — Судя по тому, что нѣкоторые грѣхи, даже святыхъ, и въ настоящее время извѣстны почти всѣмъ (напримѣръ, прелюбодѣйство и убійство пророка Давыда, отреченіе апостола Петра), можно сказать, что и на страшномъ судѣ всѣ дѣла, какъ добрыя, такъ и злыя, станутъ извѣстны всѣмъ. Но только тѣ грѣхи, въ которыхъ принесено истинное покаяніе, не будутъ являться грѣхами, а какъ бы простыми событіями, которыхъ преступность совершенно покрыта — заглажена, такъ что за нихъ не будетъ никакого ни страха, ни стыда, ни наказанія. Мы знаемъ, напримѣръ, что апостолъ Петръ отрекался отъ Христа, апостолъ Павелъ былъ гонителемъ, пророкъ Давыдъ совершилъ убійство и прелюбодѣйство, преподобная Марія Египетская вела крайне распутную жизнь, однако же мы не стыдимся ихъ потсупковъ, и они также не могутъ стыдиться ихъ, потому что принесли въ нихъ истинное покаяніе и получили совершенное прощеніе.

Мы помнимъ убійство Давыда и убійство Каина, знаемъ гонителя Павла и гонителя Нерона, вспоминаемъ крестнаго разбойника, убившаго, быть можетъ, не одного человѣка, а многихъ; вспоминаемъ и Іуду предателя, не убившаго никого, а лишь указавшаго убійцамъ Христа

о Его мѣстопребываніи, — и какая неизмѣримая разница между ними, какія противоположныя чувства они вызываютъ въ насъ! Вотъ что значитъ покаяніе и отчаяніе, любовь и ожесточеніе, или ненависть.

Такъ и наши грѣхи на страшномъ судѣ, если мы въ нихъ принесемъ покаяніе, не будутъ страшны, и намъ за нихъ не придется стыдиться или мучиться, хотя бы о нихъ и узналъ весь міръ.

Зная все это, потщимся избѣгать творить злыя дѣла, чтобы намъ не постыдиться въ день страшнаго и справедливаго суда Христова, а если уже которые содѣяли, принесемъ въ нихъ раскаяніе. Главнѣе же всего стяжемъ любовь, милосердіе, справедливость и прочія добродѣтели, чтобы и къ намъ Богъ былъ милосердъ и помиловалъ бы насъ своею благодатію и человѣколюбіемъ.

Теперешніе фарисеи.

Рече Господь притчу сію: человѣка два внидоста въ церковь помолитися: единъ фарисей, а другій мытарь. Фарисей же ставъ, сице въ себѣ молящеся: Боже, хвалу тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣи, или якоже сей мытарь: поцуся двакраты въ субботу, десятину даю всего, елика притяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очію возвести на небо, но біяше перси своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику. Глаголю вамъ, яко сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго: яко всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется.

Луки, зач. 89.

Слово *фарисей* нынѣ считается оскорбительнымъ, ругательнымъ. А между тѣмъ, почти всѣ теперешніе христіане дѣлами своими куда хуже фарисеевъ. Ветхозавѣтный фарисей, о которомъ вы сейчасъ слышали, отдавалъ десятую часть изъ своихъ пріобрѣтеній на добрыя дѣла. Но этимъ фарисеи не ограничивались. Они жертвовали гораздо больше: отдавали еще десятую часть на храмъ, на жертвы, на священнослужителей, на нищихъ, такъ что у нихъ выходило на богоугодныя и благотворительныя дѣла половина всего, что они пріобрѣтали (толк. еванг., нед. о мыт. и фарис.). Найдется ли теперь такой человѣкъ, который бы жертвовалъ половину своихъ доходовъ на богоугодныя и благотворительныя дѣла? Сверхъ положенныхъ закономъ постовъ фарисей постился два дня въ недѣлю. Многіе ли теперь постятся сверхъ положеннаго два дня хотя бы въ годъ, не говоря уже о недѣлѣ? Творя

добрыя дѣла, фарисей всячески избѣгалъ злыхъ дѣлъ, и потому могъ смѣло, искренно, предъ самимъ Богомъ сказать о себѣ, что я не таковъ, какъ прочіе люди: я не обидчикъ, не грабитель, не прелюбодѣй. Много ли нынѣ найдется такихъ, которые бы могли все это искренно сказать о себѣ?

Христосъ сказалъ: «аще не избудетъ (не превзойдетъ) правда (праведность) ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ царствіе небесное» (Матѳ. зач. 12). А наша праведность не только не превосходитъ праведности фарисеевъ, но и не сравнялась съ нею, даже стоитъ неизмѣримо ниже ея. Какъ же мы можемъ войти въ царствіе небесное?

Но скажутъ: фарисея Христосъ осудилъ, а мытаря оправдалъ. Но за что осудилъ? За то ли, что онъ отдавалъ десятую часть изъ своихъ прибытковъ и постился два дня въ недѣлю? За то ли, что онъ не прелюбодѣйствовалъ и не былъ грабителемъ и обидчикомъ? Совсѣмъ нѣтъ. Онъ былъ осужденъ единственно за то только, что гордился своими добрыми дѣлами и уничижалъ тѣхъ, которые грѣшили.

Если же такъ опасно, такъ душепагубно и грѣшно гордиться добрыми дѣлами, то во сколько же разъ грѣшнѣе и душепагубнѣе гордиться злыми дѣлами? А въ настоящее время дѣла обстоятъ именно такъ. Теперешніе фарисеи гордятся не добрыми, а злыми дѣлами. Они говорятъ въ родѣ слѣдующаго: «Я не таковъ, какъ другіе люди. Я никогда не пощусь, потому что и безъ поста можно быть добродѣтельнымъ; никогда не подаю никому ни одной копейки, потому что милостыня потворствуетъ тунеядству. Я не хожу въ церковь молиться, а всегда посѣщаю театръ и другія увеселительныя заведенія; считаю излишнимъ и унизительнымъ благодарить Бога, потому что мнѣ все дала природа и мой собственный разумъ. Я такъ хорошо поставилъ свое дѣло, что оно даетъ мнѣ изрядный доходъ, задавилъ всѣхъ своихъ конкурентовъ, вся мелкота разорилась, и никто не можетъ противостоять моимъ операціямъ. Я никогда не молюсь Богу, люблю покутить всю ночь напролетъ въ веселой компаніи. Я не таковъ, какъ тѣ, которые считаютъ все это грѣхомъ. Я ге-

рой своего времени, а не таковъ, какъ прочіе человѣки, или какъ эти монахи, чтобы мнѣ не давать волю своей натурѣ. Передо мной не устоитъ никакая женщина. Сколько для меня измѣнили своимъ мужьямъ!»

Такъ говорятъ теперешніе фарисеи и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ. Что можетъ быть нечестивѣе и пагубнѣе этого? Если преступно и гибельно гордиться и хвалиться добродѣтелями, то еще преступнѣе хвалиться злыми дѣлами, какъ дѣлаютъ современные намъ фарисеи. Насколько зло ниже добра, настолько теперешніе фарисеи ниже ветхозавѣтныхъ. И если постыдно подражать ветхозавѣтнымъ фарисеямъ, то еще постыднѣе подражать нынѣшнимъ. Если тѣ были осуждены Спасителемъ, то еще болѣе осудятся нынѣшніе, дѣлами подражающіе мытарю, а гордостью — фарисею.

Что такое мытарь, о которомъ также упоминается въ притчѣ Спасителя? Это — олицетвореніе духовнаго и нравственнаго паденія, это — типъ грѣшника. Христосъ сопоставилъ его съ фарисеемъ для того, чтобы наглядно показать, что гордость и похвальба губитъ и добродѣтельныхъ людей, а смиреніе и покаяніе спасаетъ даже величайшихъ грѣшниковъ.

Итакъ, да не подражаемъ дѣламъ мытаря, и гордости фарисея, но потщимся творить добрыя дѣла фарисея, и даже превзойти его, а мытаря превзойдемъ смиреніемъ и покаяніемъ.

О воскресномъ днѣ.

Сегодня я намѣренъ, братія, сказать нѣсколько словъ о воскресномъ днѣ и о празднованіи его. Еще въ ветхомъ завѣтѣ Господь Богъ съ высоты дымящагося Синая рекъ: «Помни день субботній, еже святити его: шесть дній дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя; въ день же седьмый, суббота, Господа Богу твоему. Да не сотвориши всякаго дѣла твоего въ онь, ты, и сынъ твой, и дщерь твоя, и рабъ твой, и раба твоя, и волъ твой, и осля твоя, и всякій скотъ твой, и пришлецъ, обитаяй у тебѣ» (Исх. 20, 8—10). Почему же такъ строго Богъ повелѣлъ праздновать седьмый день недѣли — субботу? «Зане, — объяснилъ Онъ, — въ шести днѣхъ сотвори Господь небо и землю, море и вся яже въ нихъ, и почи въ день седьмый, сего ради благослови Господь день седьмый и освяти его» (Исх. 10, 11). Согласно этой заповѣди ветхозавѣтная Церковь очень строго праздновала субботу, такъ что, когда одинъ изъ евреевъ осмѣлился работать въ этотъ день, его побили камнями.

Но почему же мы, христіане, не празднуемъ субботу, а воскресенье? — Да потому, что въ новомъ завѣтѣ въ нѣкоторомъ отношеніи устранилась та причина, въ силу которой требовалось праздновать субботу. — Что же это за причина? — Та, что Богъ въ этотъ день «почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ». Устранилась же она такимъ образомъ. Вслѣдствіе преступленія праотцемъ нашимъ Адамомъ заповѣди Божіей, всѣ потомки его, какъ дѣти преступника, раздѣляли одинаковую съ нимъ участь: всѣ умирали, и всѣ шли во адъ, кто бы они ни были и какія бы добрыя дѣла ни дѣлали. Ной, Авраамъ, Моисей, Давыдъ,

Исаія, даже креститель Господень Іоаннъ и вообще — всѣ святые праотцы, патріархи и пророки по смерти своей непзбѣжно дѣлались добычею ада, какъ и грѣшники. Но премилосердный Господь, «не восхотѣ видѣти отъ діавола мучима рода человѣческаго», воплотился отъ дѣвы Маріи, былъ распятъ на крестѣ, умеръ, сошелъ во адъ и извелъ оттуда всѣхъ, съ вѣрою ожидавшихъ Его пришествія и ввелъ ихъ въ рай. А эти послѣднія, самыя важнѣйшія дѣла — изведеніе вѣрующихъ изъ ада и введеніе ихъ въ рай Господь Іисусъ Христосъ совершилъ именно въ субботу, которая поэтому стала какъ и прочіе дни, въ которые Богъ творилъ Свои дѣла и намъ заповѣдалъ творить — работать. Послѣ этого праздновать субботу значитъ явно выражать невѣріе, что Христосъ въ этотъ день творилъ величайшее дѣло нашего спасенія — изведеніе людей изъ ада и введеніе ихъ въ рай. А не вѣрующій этому развѣ можетъ быть христіаниномъ? Вотъ почему мы, христіане, не должны праздновать субботу.

Но если такъ, если мы субботу не празднуемъ потому, что она перестала быть днемъ почиванія, или упокоенія Божія отъ дѣлъ, то спрашивается: почему же мы празднуемъ воскресеніе? Вѣдь и этотъ день не есть день упокоенія Божія отъ дѣлъ? — Да, но мы и празднуемъ его не ради этого, а въ память радостнаго событія воскресенія Христова и въ ознаменованіе того, что и мы когда-то воскреснемъ, и, если будемъ достойны, наслѣдуемъ царство небесное.

Почему бы, впрочемъ, ни праздновалось воскресенье, но святость и древность этого празднованія не подлежитъ сомнѣнію: оно началось съ самаго воскресенія Христова. Хотя объ этомъ не упоминается ни въ Евангеліи, ни въ Апостолѣ, но всѣ христіане празднуютъ его, разумѣется, по неписанному устному апостольскому преданію, которое имѣетъ такую же силу, какъ и апостольское писаніе. «Братіе, — взываетъ апостолъ Павелъ, — стойте и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ» (2 Сол. зач. 276).

Но есть люди, даже называющіе себя христіанами, которые враждебно и съ презрѣніемъ, отвергая всякое

апостольское и святоотеческое преданіе, въ то же время строго празднуютъ воскресный день. Это — протестанты, штундисты, баптисты, пашковцы и имъ подобные, которые принимаютъ одно только священное писаніе и отвергаютъ всякое неписанное преданіе церковное, какъ недостойное и душепагубное измышленіе грѣшныхъ людей. А между тѣмъ о праздноваиіи воскреснаго дня ничего не говорится въ писаніи: оно основано исключительно на преданіи. Отсюда, празднующіе воскресный день по необходимости признаютъ силу и авторитетъ церковнаго преданія, а отвергающіе это преданіе какое имѣютъ основаніе и право праздновать воскресный день? Этимъ я не то хочу сказать, что они не должны праздновать этого дня, а лишь указываю на то, что всякое заблужденіе, всякая ложь не только противна истинѣ, но и противорѣчитъ сама себѣ, иногда до полной очевидности. Въ самомъ дѣлѣ, не противорѣчатъ ли сказанные сектанты сами себѣ, съ ненавистью отвергая всякое церковное преданіе и празднуя воскресный день, когда это празднованіе исключительно на немъ основано и зиждется? Можетъ ли быть что несообразнѣе этого? Какъ назвать того, кто на одинъ и тотъ же предметъ и плюетъ, и цѣлуетъ его? Какъ считать того, кто отвергаетъ и хулитъ то, во что вѣруетъ, и вѣруетъ въ то, что отвергаетъ и хулитъ? А таковы и есть отвергающіе апостольскія преданія и въ то же время почитающіе ихъ празднованіемъ воскреснаго дня. Чтобы выйти изъ такого страннаго и непохвальнаго противорѣчія, имъ должно или перестать хулить преданія церковныя, принявъ ихъ какъ святую истину Божію, или отвергнуть и хулить празднованіе воскреснаго дня, такъ какъ оно есть именно одно изъ этихъ преданій, хулимыхъ ими. Тогда они будутъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательными, избѣгнувъ противорѣчій, въ которыхъ пребываютъ и которыя такъ ярко бросаются въ глаза всякому.

Но мы, братія, какъ чада Христовой церкви, имѣемъ право безъ противорѣчія себѣ, а потому и должны праздновать день воскресенія, такъ какъ принимаемъ всѣ истинно-апостольскія преданія, одно изъ которыхъ есть празднованіе этого дня. Но что значитъ праздновать?

Многіе, да почти всѣ думаютъ, что праздновать значитъ праздно проводить время, ничего не дѣлать, гулять, лежать, спать и т. п., и такъ дѣйствительно проводятъ праздники: сходятъ на какое-нибудь зрѣлище, посидятъ на улицѣ, или въ домѣ, позубоскалятъ, побалясничаютъ, посудятъ ближнихъ и проч., тѣмъ и проведутъ праздникъ. Но гдѣ же заповѣдано въ праздники гулять, ничего не дѣлая? Напротивъ, это осуждается и закономъ Божіимъ, и совѣстью, и гласомъ народа. Извѣстно, что «праздность всѣмъ порокамъ мать». Такъ неужели и въ праздники должно трудиться и работать? — пожалуй спросятъ иные. Да, непремѣнно слѣдуетъ трудиться, и даже усерднѣе, чѣмъ въ будни, только не на себя работать, а, такъ сказать, на Бога: не свои дѣла дѣлать, а Божіи. Онъ такъ и заповѣдалъ: «Шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, въ день же седьмый — суббота (или праздникъ) Господу Богу твоему», работай то-есть. Какъ же Богу работать и какія дѣла Божіи? Работать Богу, значитъ творить Его волю, исполнять Его заповѣди, дѣлать дѣла Его. А дѣла Божіи суть: молитва, милостыня, воздержаніе, любовь, милосердіе, кротость, благотвореніе и прочія добродѣтели. Ихъ-то и должно творить въ праздники съ особеннымъ усердіемъ и стараніемъ.

Почему же такъ, почему одинъ изъ семи дней Богъ освятилъ Себѣ — заповѣдалъ въ этотъ день работать Ему? Да потому, что Онъ нашъ Творецъ и Господь, Онъ сотворилъ насъ изъ ничего, такъ что, если бы не Его сила и воля, то насъ и не было бы; Онъ далъ намъ на пользу и въ наслажденіе всю вселенную: солнце и небо, луну и звѣзды, море и землю, растенія и животныхъ, и вся покори подъ ноги наша: овца и волы вся, еще же и скоты польскія, птицы небесныя, рыбы морскія, преходящія стези морскія (псал. VIII, 7—8). Мало этого? Когда мы, послушавъ врага Божія, діавола, самымъ неблагодарнымъ образомъ преступили Его святую заповѣдь и сего ради пребывали «во тьмѣ и сѣни смертнѣй», Онъ Самъ спасъ насъ недостойныхъ единственно изъ любви къ намъ, Его неблагодарной твари. Да и какъ спасъ? Сошелъ съ небесъ, воплотился отъ Дѣвы Маріи, жилъ на землѣ, пострадалъ ужаснѣйшимъ

образомъ отъ насъ ничтожныхъ, умеръ самою позорною смертію, сошелъ во адъ, воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небеса. И все это для того, чтобы освободить насъ отъ власти діавола, смерти и ада и возвратить намъ райское блаженство, котораго мы сами по своей собственной винѣ лишились, преступивъ заповѣдь Божію въ угоду Его и нашему врагу діаволу.

И за всѣ эти Свои благодѣянія Богъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы одинъ изъ семи дней недѣли, именно воскресный, посвящали работали исключительно Ему, оставляя всякую заботу о своихъ тѣлесныхъ и житейскихъ дѣлахъ. Разумѣется, мы и всѣ дни обязаны такъ посвящать Богу: каждый часъ непрестанно работать Ему, но Онъ изъ любви и снисхожденія къ нашей немощи установилъ, чтобы мы хотя одинъ день въ недѣлю отдѣляли на такое служеніе Ему. А мы и этого не хотимъ исполнять, и въ праздники не дѣлаемъ никакихъ добрыхъ дѣлъ, даже и за богослуженіе ходить лѣнимся, а лишь спимъ или объѣдаемся, да опиваемся и т. п. А въ будни не лѣнимся, потому что тогда работаемъ на себя. Какое же послѣ этого можно имѣть оправданіе? Если бы Богъ заповѣдалъ одинъ день на себя работать, а шесть Ему, и то мы должны были бы исполнять. А то опредѣлилъ Себѣ только одинъ день изъ семи, а въ наше расположеніе далъ шесть дней, а мы и это лѣнимся исполнять. Какого же наказанія мы недостойны? Если работникъ не станетъ работать на хозяина, а лишь на себя, то хозяинъ развѣ не накажетъ его — развѣ не прогонитъ?

Да, наконецъ, что̀ такое работа Богу? Вѣдь Богъ существо вседовольное — какъ не нуждается въ нашихъ добродѣтеляхъ, такъ ничего не терпитъ и отъ нашихъ злыхъ дѣлъ. Если мы что̀ дѣлаемъ, добро или зло, то это только для себя, такъ что, если мы, повидимому, работаемъ и Богу, отъ этого польза бываетъ только намъ. Какъ бы мы богоугодно праздники ни проводили, какія бы добрыя дѣла ни дѣлали, и сколько бы ихъ ни имѣли: постъ ли, или молитву, милостыню, любовь, вѣру, воздержаніе, милосердіе, смиреніе, — за это получимъ блаженство только мы сами. Работая на Бога, мы въ сущности рабо-

таемъ на себя. Если же Богъ и требуетъ, чтобы мы творили добрыя дѣла, то не потому, что Онъ будто въ этомъ нуждается, но, просто, изъ любви къ намъ, чтобы мы не погибли, а получили вѣчное блаженство. Если бы кто сказалъ вамъ: поработай на меня лѣтъ пятьдесятъ по одному дню въ недѣлю, и за это я тебѣ заплачу милліонъ. Я думаю, на это всякъ охотно согласился бы. Но Богъ намъ обѣщаетъ за это не милліонъ, а въ неизмѣримое число разъ больше: царство небесное, и не чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, а гораздо скорѣе: переселеніе въ будущую жизнь, «идѣже нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь вѣчная», для многихъ очень близко. Итакъ, потщимся въ воскресные дни «работать Господеви со страхомъ» для своей же пользы, для спасенія своей души. Крайне худо поэтому поступаютъ не заботящіеся объ этомъ даже въ праздничные дни.

Но есть люди еще хуже ничего не дѣлающихъ въ воскресный день. Это тѣ, которые и въ сей день продолжаютъ работать, какъ и въ будни, будто для нихъ и праздника не существуетъ. Говорю не о тѣхъ, которыхъ заставляетъ работать крайняя нужда или необходимость, — такимъ и правила святыхъ отецъ строго не возбраняютъ работу (Лаодик. соб. пр. 24 и толков. Зонара и Вальсамона), — но о тѣхъ, которые работаютъ въ праздникъ не отъ нужды, а единственно изъ корысти, чтобы наживать деньги, такъ чтобы и этотъ святой день принесъ имъ грѣшную прибыль. Что̀ сказать о такихъ людяхъ? Неужели они не думаютъ умереть и предстать предъ справедливымъ и потому страшнымъ судомъ Христовымъ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе могутъ имѣть ни одного дня не позаботившіеся объ угожденіи Богу — о своемъ спасеніи, стараясь въ воскресный день удовлетворить своей страсти сребролюбія, когда это запрещено и въ простые дни? Святый Златоустъ такую работу въ праздникъ, справедливо, называетъ святотатствомъ. Воскресный день есть время Божіе: работая свою работу въ этотъ день, люди, такъ сказать, похищаютъ, воруютъ у Бога время, и дѣйствительно дѣлаются святотатцами. Но если хищеніе человѣческой собственности наказывается, то тѣмъ болѣе

Божіей. Положимъ, ты заработалъ въ праздникъ, а Богъ пошлетъ тебѣ убытокъ въ торговлѣ или болѣзнь, такъ что лишишься больше того, сколько похитилъ у Бога, работая въ праздники.

Но многіе падаютъ еще ниже и глубже работающихъ въ воскресный день ради корысти. Какъ только пришелъ праздникъ, они стараются работать не Богу и не себѣ, а страшно сказать! — діаволу: стараются творить злыя дѣла, или грѣхи, съ особеннымъ усердіемъ. Но такъ какъ грѣшить совѣсть и разсудокъ возбраняютъ, то люди умудрились заглушить эти чувства. Для этого они въ праздники объѣдаются и опиваются одуряющими ядами — спиртными напитками до послѣдней степени, часто до потери чувства и сознанія. Отравившись такимъ образомъ, они свободно, безъ зазрѣнія совѣсти ссорятся, сквернословятъ, совершаютъ еще худшія дѣла. И это называется праздникомъ, это почитается весельемъ! Нѣкоторые даже убѣждены, что праздники и установлены для того, чтобы гулять, пьянствовать, безобразничать. Какое нелѣпое и гибельное заблужденіе! Воскресный день установленъ для угожденія Богу, а не сатанѣ. А люди въ этотъ святой день, въ который особенно должно заботиться объ угожденіи Богу добрыми дѣлами, стараются угождать діаволу злыми дѣлами. Глупѣе и нечестивѣе этого, кажется, и быть ничего не можетъ.

Если грѣшно въ этотъ день дѣлать свои человѣческія дѣла, то во сколько же разъ грѣшнѣе и нечестивѣе дѣлать не свои дѣла, а прямо-таки діавольскія? Помни день субботній (а въ новомъ завѣтѣ — день воскресный), еже святити его — сказалъ Господь, а не еже осквернити его. А у насъ многіе помнятъ этотъ день, еже осквернити его своими грѣхами и беззаконіями, пьянствомъ и разумомъ. Устрашитесь суда Божія, убойтесь Бога и не раздражайте Его своими неподобными дѣяніями и злодѣяніями! Если и въ простые дни запрещено пьянствовать и грѣшить, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать этого въ праздники. «Этотъ народъ какъ бы и существуетъ для того только, чтобы раздражать Меня», говорилъ Богъ еще въ ветхомъ завѣтѣ. Не относится ли это и къ новозавѣтнымъ людямъ?

Вѣдь теперешніе люди, какъ бы для того, чтобы болѣе прогнѣвать своего Создателя, выбираютъ для своихъ грѣховныхъ развлеченій и разгуловъ именно эти святые дни, когда должно особенно тщиться о служеніи и угожденіи только Господу Богу. Не за это ли Богъ посылаетъ на насъ различныя наказанія: засуху, голодъ, моръ, падежъ скота, пожары, болѣзни и другія бѣды и несчастія? Да хорошо еще, если Богъ за наши грѣхи наказываетъ насъ на этомъ свѣтѣ! Если же не наказываетъ, несмотря на то, что мы грѣшимъ, то значитъ грѣхи наши слишкомъ велики, такъ что въ этой жизни, на этомъ свѣтѣ нѣтъ казни, которая соотвѣтствовала бы нашимъ грѣхамъ, злодѣяніямъ и беззаконіямъ. Она есть только въ будущей жизни: это — страшныя невообразимыя муки, нестерпимый огонь вѣчный, «егоже и самъ діаволъ трепещетъ». Перестанемъ же грѣшить и пьянствовать въ особенности во святые воскресные и праздничные дни, будемъ праздновать ихъ не тѣлесно, но духовно, не по-языčески, а по-христіански!

Праздновать же духовно по-христіански значитъ такъ проводить воскресный день: прежде всего должно мысленно осмотрѣть всѣ дѣла, какія ты сдѣлалъ въ теченіе недѣли. Подумай, не обидѣлъ ли кого словомъ или дѣломъ, не обманывалъ ли, не ругался ли, не пьянствовалъ ли, не сквернословилъ ли, не осуждалъ ли ближнихъ, не имѣешь ли къ нимъ ненависти, злобы, зависти, не гордишься ли своими мнимыми достоинствами тѣлесными или духовными или кажущимися добродѣтелями — сдѣлалъ ли вообще хотя одно доброе дѣло отъ души, изъ любви къ Богу и ближнему, а не для превозношенія или по другимъ нечистымъ побужденіямъ? Помолился ли Богу хотя одинъ разъ отъ усердія, «отъ всея души и всего помышленія», позаботился ли вообще о своей душѣ, провелъ ли хотя одинъ часъ такъ, какъ велитъ тебѣ совѣсть, долгъ христіанскій и законъ Божій? Если обо всемъ этомъ размыслишь искренно и здраво, то увидишь, что за прошедшую недѣлю ты своими дѣлами только загрязнилъ свою душу, отяготилъ свою совѣсть и прогнѣвалъ Бога. Тогда ты непремѣнно прибѣгнешь къ Богу съ горячею

молитвою, со смиреніемъ и раскаяніемъ въ своихъ грѣхахъ и усердно испросишь у Господа помощи и силы провести слѣдующую недѣлю добродѣтельно и богоугодно. Для сего въ праздничные дни каждый христіанинъ долженъ поспѣшить въ храмъ Божій къ вечернѣ, всенощной и особенно къ литургіи: дать Богу отчетъ въ своихъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ, умолять Его о прощеніи нашихъ согрѣшеній вольныхъ и невольныхъ и дабы подалъ намъ помощь и силу исполнять Его святую волю и заповѣди, «служити Ему преподобіемъ и правдою во вся дни живота нашего».

Послѣ богослуженія дома почитайте Евангеліе и поученія святыхъ отцовъ, а также ихъ житія и подвиги. Если неграмотенъ, попроси грамотнаго почитать тебѣ святую или хорошую книгу, и старайся не только слушать, но и исполнять ученіе Христа и святыхъ Его, стремясь жить такъ, какъ они жили: помогай бѣднымъ, неимущимъ, чѣмъ можешь и какъ можешь; если не можешь дѣломъ, то хотя добрымъ словомъ, и имѣй ко всѣмъ любовь отъ всего сердца. Такимъ образомъ ты проведешь праздникъ по-христіански, исполнивъ волю Божію благую и совершенную. Богъ же мира и Отецъ щедротъ да наставитъ васъ на всякую истину и добрыя дѣла Своею благодатію и человѣколюбіемъ нынѣ и присно и во вѣки!

Произвольное сумасшествіе и модное самоотравленіе.

Онъ въ новолунія бѣснуется, и тяжко страдаетъ; ибо часто бросается въ огонь и часто въ воду.
Мѳ. XVII, 15.

Гдѣ ни схватываетъ его (бѣсъ), повергаетъ на землю, и онъ испускаетъ пѣну, и скрежещетъ зубами своими, и цѣпенѣетъ.
Мрк. IX, 18.

Сей родъ не можетъ выйти иначе, какъ отъ молитвы и поста.
Мрк. IX, 29.

Слово первое.

Много на свѣтѣ людей несчастныхъ и жалкихъ, много страждущихъ и погибающихъ, но несчастнѣе и страшнѣе всѣхъ состояніе бѣснующихся. Это прямо — олицетвореніе страданія и ужаса! Въ Евангеліи есть много повѣствованій о такихъ несчастныхъ. Объ одномъ изъ нихъ разсказывается въ евангеліи (Матѳ. зач. 72). Какъ онъ, бѣдный, страдалъ! Въ новолунія онъ страшно бѣсновался: приходилъ въ изступленіе, падалъ на землю безъ чувствъ, какъ бы мертвый, скрежеталъ зубами, испуская пѣну; діаволъ до того овладѣлъ имъ, что гдѣ ни схватывалъ его, повергалъ на землю, а часто бросалъ даже въ огонь или въ воду, чтобы погубить его. Нѣкоторые изъ бѣснующихся бросаются на людей, обнажаются, изрыгаютъ такія мерзости и богохульства, что волосы дыбомъ становятся. Словомъ — нѣтъ твари страшнѣе и несчастнѣе ихъ. Имъ подобны развѣ только помѣшанные, или сумасшедшіе. Разница между ними въ томъ только, что первые бываютъ внѣ ума по нападенію демона, а по-

слѣдніе — отъ болѣзни мозга или другихъ частей тѣла. Но состояніе тѣхъ и другихъ поистинѣ ужасно. Одна мысль о возможности стать таковымъ приводитъ въ содроганіе всякаго. И что̀ особенно страшно, такъ это то, что средствъ противъ этихъ недуговъ наукою не найдено. Указанный же Спасителемъ способъ — молитву и постъ для отогнанія демона (Мар. зач. 40) люди нынѣ не хотятъ примѣнять. А поэтому весьма рѣдко освобождаются какъ отъ помѣшательства, такъ и отъ бѣсованія.

Что̀ же сами люди изобрѣли въ этомъ отношеніи? Они изобрѣли множество различныхъ одуряющихъ ядовъ, отъ которыхъ можно сдѣлаться во всякое время не только сумасшедшимъ, но прямо-таки бѣснующимся. Что̀, если бы вамъ кто-либо предложилъ выпить такого яду, отъ котораго вы сошли бы съ ума, хотя въ нѣкоторой степени и хотя бы на непродолжительное время? Вы, думаю, съ ужасомъ отскочили бы отъ такого человѣка, или съ негодованіемъ прогнали бы его отъ себя: кажется, ни за какіе милліоны человѣкъ не согласится пить ядъ, неизбѣжно дѣлающій его сумасшедшимъ. Въ дѣйствительности же есть люди (не хочется вѣрить, а есть люди), и ихъ очень много, которые сами платятъ деньги за ядъ и пьютъ его для того, чтобы сдѣлаться сумасшедшими или бѣшеными, хотя на нѣкоторое время. Такой ядъ, какъ я уже сказалъ, не одинъ, а множество, но дѣйствіе ихъ неизмѣнно одно: они дѣлаютъ людей умалишенными. Эти одуряющіе яды извѣстны подъ названіемъ спиртныхъ напитковъ, табака, опіума и т. п. А сдѣлавшихся отъ нихъ помѣшанными, обыкновенно, называютъ пьяными. Но справедливо ихъ слѣдовало бы назвать сумасшедшими или бѣшеными. Св. Златоустъ пьянство такъ и называетъ произвольнымъ бѣснованіемъ и совершенно основательно и справедливо. Стоитъ только хотя не много, но здраво вникнуть въ дѣло, чтобы воочію убѣдиться, что пьянство есть не иное что, какъ произвольное, хотя и временное, сумасшествіе или бѣшенство. Бѣшеный и сумасшедшій городитъ всякую дичь, извергаетъ сквернословіе и богохульства — и пьяный то же; бѣшеный скрежещетъ зубами — и пьяный такъ же; бѣшеный и сумасшедшій часто терзаютъ себя и кидаются

на всѣхъ — то же самое и пьяный; бѣшеный и сумасшедшій бросаетъ и бьетъ, что попадется — то же самое дѣлаетъ и пьяный; бѣшеный и сумасшедшій часто совершаютъ преступленія — и пьяный не меньше ихъ; у бѣшеныхъ и сумасшедшихъ здоровье разстроено, и душевныя способности поражены, хотя они и не сознаютъ этого — и у пьяницъ точно такъ же. Бываютъ сумасшедшіе очень смирные, молчаливые, робкіе: какъ разъ такіе же бываютъ и пьяные; бѣшеные и сумасшедшіе часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ, — не рѣже ихъ и пьяные. Словомъ, сравненіе бѣшенаго и сумасшедшаго съ пьянымъ можно вести безъ конца, и нельзя найти почти никакой разницы.

Чтобы понять, отчего такое разительное сходство у пьяныхъ съ бѣсноватыми, или сумасшедшими, нужно прежде уяснить, какая разница между такъ называемыми нормальными, находящимися въ здравомъ умѣ людьми, и бѣсноватыми, или помѣшанными. Разница между ними въ томъ только, что первые могутъ сдерживать себя, управлять своими мыслями, поступками и словами, а послѣдніе — нѣтъ. Послѣдите вы внимательно за собою, за своими мыслями, словами и поступками. Какая вамъ дурь лѣзетъ въ голову постоянно. Если бы высказывать и дѣлать все то, что приходитъ на умъ, то и былъ бы сумасшедшимъ. Но Богъ далъ намъ благодать и способность сдерживать себя, не высказывать всего того, что приходитъ на умъ часто противъ воли, а говорить лишь то, что хочешь. Когда же человѣкъ лишается ума, тогда онъ не можетъ сдерживать своихъ мыслей и поступковъ, а потому и говоритъ все, что взбредетъ ему на умъ. Подобно этому и человѣкъ, напившійся допьяна, теряетъ даръ Божій сдерживать свои мысли и поступки, управлять ими, какъ слѣдуетъ, а потому и говоритъ и дѣлаетъ все, что только придетъ въ его одурманенную голову.

Если кто обидится, что мы пьянаго уподобляемъ бѣснующемуся, то пусть послушаетъ объ этомъ святаго Златоуста, уста котораго суть Христовы уста. Онъ вотъ что говоритъ: «Пьянство есть добровольное неистовство, утрата разсудка; пьянство есть несчастіе, надъ которымъ смѣются, болѣзнь, надъ которою издѣваются, произвольное бѣсно-

ваніе; оно хуже умопомѣшательства. Хочешь ли знать, какъ пьяный бываетъ хуже и бѣсноватаго? Бѣсноватаго всѣ мы жалѣемъ, а отъ этого отвращаемся; тому сострадаемъ, а на этого гнѣваемся и негодуемъ. Почему? Потому что у того болѣзнь отъ діавольской напасти, а у этого отъ безпечности; у того отъ козней враговъ, а у этого отъ козней собственныхъ помысловъ. Но терпитъ пьяный то же самое, что и бѣсноватый: такъ же кружится, такъ же приходитъ въ изступленіе, такъ же падаетъ, такъ же извращаетъ глазные зрачки, такъ же трясется, лежа на землѣ, испускаетъ изо рта пѣну и такимъ образомъ изливаетъ нечистую слюну, и уста его наполняются невыносимымъ зловоніемъ» (Твор. его, том. 2, слово противъ упивающихся). Итакъ, Богъ устами своего угодника, великаго святителя, вѣщаетъ, что пьяницы хуже бѣснующихся, и это безпрекословно справедливо. Бѣснующійся или сумасшедшій когда скончается, то по немъ дозволяется совершать погребеніе, если онъ раньше былъ на покаяніи. Если онъ внѣ ума даже руки на себя наложитъ, и то правила святыхъ отецъ не возбраняютъ пѣть по немъ погребеніе. А когда умретъ кто въ пьяномъ состояніи, то по немъ погребеніе, обыкновенно, не совершаютъ, какъ по вольномъ самоубійцѣ. «Рече бо великій апостолъ Павелъ, — читаемъ въ Прологѣ, — яко пьяницы не наслѣдуютъ царства небеснаго, но уготована имъ мука вѣчная съ разбойники, съ татьми и прелюбодѣи... Безъ Божія бо суда скоро піяницы умираютъ, яко и удавленницы. Аще кто въ піянствѣ умретъ, то самъ себѣ врагъ и убійца, и приношеніе (на литургіи) по немъ ненависть Богу» Умершаго отъ пьянства даже народный обычай не дозволяетъ класть на общихъ кладбищахъ: его зарываютъ, какъ скотину, какъ свинью или собаку безъ погребенія, безъ помилованія и безъ пѣнія.

И если бы пьяницы во всемъ были подобны скотинѣ, то было бы для нихъ счастье. Ибо скотина не будетъ отвѣчать предъ Богомъ за свои поступки: ей не предстоитъ вѣчная мука. А пьяницу ожидаетъ грозный неумолимый судъ, ужасающія муки, огонь вѣчный, плачъ и скрежетъ зубовъ. Пьяница до того омерзителенъ, что святый апо-

столъ Павелъ запрещаетъ даже ѣсть вмѣстѣ съ нимъ (1 Кор. зач. 134) и заповѣдуетъ: «Не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ» (Ефес. зач. 229). «Пьяницы царствія Божія не наслѣдятъ» (1. Кор. зач. 134).

Вредъ для души пьянства невозможно и выразить человѣческимъ языкомъ: пьяница хуже всякаго преступника и злодѣя. Всякій преступникъ совершаетъ одно какое-либо преступленіе, а пьяница всѣ, если представится возможность. И убійство, и воровство, и мошенничество, и всякія грязныя дѣла совершаются почти всегда въ пьяномъ видѣ. Разспросите вы, отчего появились и постоянно увеличиваются босяки, жулики, бродяги, проститутки и имъ подобное отребье общества? Что ихъ загнало на этотъ омерзительный и страшный путь и что заставляетъ по нему итти? — Отвѣтъ одинъ: горькая чаша.

Пьянство не только горше всѣхъ преступленій, но и разорительнѣе и глупѣе. Всякій другой преступникъ, напримѣръ, воръ, или мошенникъ, если за свои злодѣянія и пойдетъ въ адъ, то, по крайней мѣрѣ, на этомъ свѣтѣ получилъ за нихъ какую-нибудь корысть; а пьяница самъ тратитъ деньги для того, чтобы пойти въ адъ. Пьянство есть, такъ сказать, входный билетъ въ геенну огненную. Что за безуміе — за свои трудовыя деньги покупать себѣ вѣчную муку.

Но если пьянство больше всѣхъ преступленій, то почему за него не наказываютъ, не ссылаютъ въ ссылку, не сажаютъ въ тюрьму? — Да просто потому, что пьяницы, и находясь на волѣ, терпятъ голодъ, холодъ и всякія нужды и болѣзни. Но быть-можетъ пьяницу утѣшаютъ семейныя радости? — это смѣшно даже и думать. Для пьяницы существуютъ однѣ лишь семейныя горести: жена его и дѣти постоянно плачутъ, голодныя и избитыя; у него съ ними непримиримая вражда, вѣчныя ссоры и драки, постоянные скандалы и побои. Онъ — врагъ своему семейству, жестокій тиранъ, мучитель для него. Онъ всѣхъ клянетъ и его всѣ проклинаютъ. Вся его жизнь — сплошная ненависть, злоба и вражда ко всѣмъ и ко всему, кромѣ водки. Внутреннія мученія совѣсти, постоянныя несчастія и неудачи во всемъ сопровождаютъ его всю жизнь,

до самаго гроба. Для чего же его наказывать ссылкой или заключеніемъ въ тюрьму? Это для него было бы не наказаніемъ, а облегченіемъ его страданій и несчастій. И дѣйствительно, въ настоящее время многіе изъ жалости къ пьяницамъ строятъ для нихъ особыя мѣста заключеній (лѣчебницы для алкоголиковъ), дабы облегчить ихъ страданія и отучить отъ пьянства.

Что дѣйствительно пьянство есть причина почти всѣхъ золъ и грѣховъ, въ доказательство этого можно указать на повѣсть, помѣщенную въ «Патерикѣ». Тамъ разсказывается, что дьяволъ сильно искушалъ одного подвижника, великаго угодника Божія — соблазнялъ сдѣлать какой-либо грѣхъ. Наконецъ, когда никакъ не могъ смутить его скрыто, невидимо, явился ему видимымъ образомъ и сказалъ: если хочешь, чтобы я тебя болѣе не смущалъ, а оставилъ въ покоѣ, — сдѣлай одинъ грѣхъ изъ слѣдующихъ трехъ: или убей человѣка, или сотвори блудъ, или напейся до-пьяна. Сказавъ это, діаволъ исчезъ. Пустынникъ сталъ думать, какой грѣхъ легче. Убить человѣка, это и подумать страшно, — разсуждалъ онъ, — блудъ сотворить — это величайшій грѣхъ, особенно для инока; а вотъ напиться допьяна, тутъ, кажется, ничего нѣтъ страшнаго и грѣховнаго: напьюсь, просплюсь и больше ничего. Такъ и сдѣлалъ, пошелъ въ городъ, зашелъ въ корчму, взялъ вина, напился до опьяненія. Случилось, что тутъ была женщина легкаго поведенія, и разгоряченный виномъ, потерявшій совѣсть и разсудокъ, монахъ палъ съ нею. Какъ разъ въ это время явился мужъ этой женщины, завязалась драка и пустынникъ убилъ своего соперника. Не ясно ли, что пьянство больше всѣхъ грѣховъ. Пьянство преступнѣе даже жертвоприношенія идоламъ. Пьяница живетъ на радость діаволу; онъ хуже поганаго. Послушайте, что объ этомъ пишется въ Прологѣ: «Ангелу хранителю плачущу піянства ради, бѣсомъ же веселящимся и радующимся о пьяницахъ, и приносятъ къ діаволу жертву пьянственную, а діаволъ радуяся говоритъ: «Яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко же убо о піянѣхъ христіанѣхъ: въ піяницахъ бо вся воля моя; лучше поганіи піяницъ, яко и

поганыхъ Богъ снабдитъ, а піяницъ ненавидитъ и гнушается, яко піяніи мои суть, а трезвіи Божіи. И сія изглаголавъ діаволъ, рече бѣсомъ: идите и поучайте христіанъ на піянство и на всю волю моего хотѣнія».

Много можно привести свидѣтельствъ отъ писанія о вредѣ и пагубѣ пьянства, но теперешніе люди еще слишкомъ грубы, чтобы убѣдиться писаніемъ. Свидѣтельства и авторитетъ докторовъ и разныхъ ученыхъ и неученыхъ изслѣдователей и писателей для нихъ убѣдительнѣе писанія. Основываясь на нихъ, многіе увѣрены и учатъ, что умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ будто бы полезно.

Но что такое «умѣренное употребленіе?» — Иной едва на ногахъ стоитъ, а говоритъ, что онъ умѣренно напился, и требуетъ, чтобы ему еще поднесли. Бываютъ случаи, что нѣкоторые не могутъ стоять на ногахъ отъ опьяненія, а лежа на землѣ просятъ, чтобы имъ лили въ ротъ спиртные напитки. Вотъ какова умѣренность пьяницъ!

Говорятъ, что нѣкоторые врачи дозволяютъ умѣренное употребленіе водки въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Но если и такъ, то это доказываетъ лишь то, что ее нельзя пить иначе, какъ въ качествѣ лекарства, по предписанію врачей. Вѣдь врачи также прописываютъ въ извѣстныхъ болѣзняхъ употреблять въ опредѣленномъ количествѣ и мышьякъ, и сулему, и многіе другіе яды. Однако было бы и нелѣпо и гибельно употреблять ихъ постоянно безъ совѣта врача. Никто и не употребляетъ.

Но если ужъ дѣло коснулось медицины или врачебной науки, то да будетъ извѣстно, что она прежде всего, не знаетъ ни спиртныхъ напитковъ, ни пьянства, ни пьяницъ! Она ихъ называетъ собственными ихъ именами: спиртные напитки — ядомъ алкоголемъ, пьянство — отравленіемъ, а пьяницъ — отравившимися алкоголемъ. Даже легкое опьяненіе она называетъ не иначе, какъ отравленіемъ. Отравленіе всякимъ ядомъ, въ томъ числѣ и спиртнымъ — алкоголемъ, она дѣлитъ на три степени: при первыхъ двухъ степеняхъ человѣкъ еще не умираетъ, а при тре-

тьей — умираетъ. При первыхъ двухъ — поражаются такія части тѣла, что человѣкъ еще можетъ жить, а при послѣдней—нѣтъ. Такъ, первая степень отравленія спиртнымъ ядомъ — алкоголемъ, когда человѣкъ бываетъ, какъ говорятъ, «навеселѣ», чувствуетъ бодрость, находится какъ бы въ возбужденномъ состояніи: въ это время у него бываетъ поражена задерживающая часть мозга. При дальнѣйшемъ отравленіи поражается двигательная часть мозга: человѣкъ не можетъ стоять на ногахъ и едва владѣетъ языкомъ; теряется совѣсть и мышленіе. При третьей степени отравленія поражается дыхательная часть: напившійся вмѣсто дыханія хрипитъ, теряетъ сознаніе, лишается всякаго чувства, и умираетъ. Отсюда, если не всѣ отравляющіеся спиртнымъ ядомъ — алкоголемъ умираютъ, то потому только, что пьютъ его лишь до первой или до второй степени отравленія. Не если и другими ядами отравляться не далѣе второй степени, смерть также не послѣдуетъ.

По медицинской терминологіи, если кого угощаешь спиртными напитками, не долженъ говорить, какъ обыкновенно говорятъ: «выпейте на здоровье», а — «отравитесь алкоголемъ для разстройства здоровья». Удивительно, какъ люди любятъ и умѣютъ себя обманывать! Отравленіе злѣйшимъ ядомъ — алкоголемъ называютъ, просто, «выпивкой». Зачѣмъ хитрить? Называй вещь ея именемъ, гдѣ это нужно и полезно. А «выпивку» особенно полезно называть ея собственнымъ именемъ: «отравленіемъ». Такъ и говорите вмѣсто: «не угодно ли выпить» — «не угодно ли отравиться»; или вмѣсто: «давайте выпьемъ на здоровье», — «давайте отравимся для потери здоровья и лишенія ума и совѣсти». Этимъ вы отвратите многихъ отъ гибельнаго самоотравленія однимъ изъ ужаснѣйшихъ ядовъ, какіе только могло изобрѣсти развращенное человѣчество на пагубу себѣ.

Съ церковной же точки зрѣнія спиртные напитки и имъ подобные яды хуже всякаго яда, хуже мышьяка и сулемы. Отравившійся этими ядами нечаянно или съ намѣреніемъ можетъ еще передъ смертью покаяться, такъ какъ они не лишаютъ его ума; а умирающій отъ отравленія спиртнымъ

ядомъ не можетъ покаяться, ибо умираетъ безъ памяти и чувствъ.

Въ виду всего этого вовсе не слѣдуетъ употреблять спиртныхъ напитковъ, никогда не слѣдуетъ отравляться этимъ ужаснымъ гибельнымъ ядомъ ни въ какой степени.

Слово второе.

Предыдущее слово я закончилъ наставленіемъ не употреблять спиртныхъ напитковъ ни въ какомъ количествѣ, потому что отъ умѣреннаго употребленія ихъ происходитъ и неумѣренное: всѣ пьяницы, даже самые отчаянные, начали съ умѣреннаго употребленія. А потому лучше вовсе не начинать ихъ пить, чтобы не стоять на пути пьяницъ.

Но противъ этого любители выпивки находятъ массу возраженій и оправданій, которыя мы и разсмотримъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ, будто умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ полезно, потому что человѣкъ отъ этого дѣлается бодрѣе, чувствуетъ какъ бы прибавленіе силъ. Но это одинъ только самообманъ: силы нисколько не прибавляется отъ алкоголя, наоборотъ — выматываются послѣднія. Но почему же человѣкъ, когда выпьетъ, чувствуетъ себя бодрѣе, какъ-будто силы у него вдвое прибавилось? Не увеличились ли въ самомъ дѣлѣ силы? Нисколько! Чтобы понять это, нужно знать хотя немного устройство человѣческаго тѣла. Устройство это очень мудрое. Въ мозгу, напримѣръ, есть различныя части, изъ которыхъ каждая завѣдуетъ извѣстнымъ тѣлеснымъ органомъ или отправленіемъ. Одна часть завѣдуетъ дыханіемъ, другая заставляетъ биться сердце, третья приводитъ въ дѣйствіе желудокъ, четвертая завѣдуетъ нашими движеніями и проч. Если я, напримѣръ, двигаю руками, ногами или другими частями тѣла, то это дѣлаю посредствомъ извѣстной части мозга, называемой двигательной. Но есть такая часть мозга, которая задерживаетъ движенія нашихъ органовъ; она называется задерживаю-

щей. Если бы тея не было, то наши руки, ноги, голова и прочее двигались бы сами собою, и мы не могли бы ими владѣть или ихъ удерживать: силы наши тратились бы постоянно безполезно. Когда человѣкъ выпьетъ немного водки, у него поражается задерживающая часть мозга, и онъ чувствуетъ, что силы у него какъ-будто увеличились. На самомъ же дѣлѣ силы ничуть не увеличились, а лишь парализована, какъ бы умерщвлена или усыплена задерживающая часть мозга. Въ организмѣ она играетъ ту же роль, какъ регуляторъ въ машинѣ или маятникъ въ часахъ. Удалите изъ часовъ маятникъ, стрѣлки станутъ двигаться быстро. Но прибавилось ли у нихъ силы? Нѣтъ, напротивъ, выматываются послѣднія, и часы остановятся преждевременно. Точно такъ же и у человѣка отъ легкаго даже опьянѣнія поражается задерживающая часть мозга — этотъ регуляторъ его организма, у него выматываются послѣднія силы, изнашивается здоровье, и онъ преждевременно сходитъ въ могилу. Но по невѣжеству онъ думаетъ, что у него силы прибавляются. Несчастный самообманъ! Жалкое состояніе!

Отъ частаго же употребленія спиртныхъ напитковъ для приданія себѣ бодрости и силъ — «съ устатку», — задерживающая часть мозга до того разслабѣваетъ, что у человѣка всѣ члены противъ его воли сами двигаются — трясутся, въ особенности руки, какъ у отверженнаго Богомъ Каина. Вотъ бодрость и сила, пріобрѣтаемая пьянствомъ! Трясеніе тѣла — это печать отверженія Богомъ — неизмѣнный спутникъ выпивки. «Стеня и тресыйся будеши по земли», сказалъ Господь Каину. Приговоръ этотъ поразительно исполняется надъ любителями выпивки.

Многіе пьютъ, какъ говорятъ, со скуки — для веселья: если немного выпьешь, то почувствуешь себя веселѣе. Но это опять только все кажется. Въ дѣйствительности же отъ выпивки веселѣе не сталъ, а только въ нѣкоторой степени заглушилъ въ себѣ стыдъ, совѣсть, умъ, разсудокъ и проч., — словомъ, поглупѣлъ на нѣсколько градусовъ, да и думаетъ, что повеселѣлъ. Извѣстно, что глупые, тупоумные или идіоты всегда кажутся веселыми, — постоянно смѣются, и именно потому, что они глупы:

у нихъ нѣтъ полнаго разсудка, нѣтъ и настоящей радости. Веселье ихъ — веселье животныхъ, веселье плоти, а не духа. Но они таковы отъ природы, а не по своей волѣ; пьющіе же и курящіе одуряющіе яды для веселья стремятся уподобиться имъ по своей доброй волѣ. Не есть ли это крайнее умопомраченіе — сознательно стараться быть идіотомъ-глупцомъ?

Истинный христіанинъ всегда долженъ быть веселымъ и радостнымъ. «Веселитеся о Господѣ и радуйтеся, праведніи», взываетъ псалмопѣвецъ. «Всегда радуйтеся», наставляетъ святый апостолъ Павелъ (Θессал. зач. 273). «Радуйтеся о Господѣ и паки реку: радуйтеся» (Филип. зач. 247). Только «радость (эта) бываетъ не отъ пьянства, — свидѣтельствуетъ святый Златоустъ, — но отъ духовной молитвы, не отъ вина, но отъ назидательнаго слова. Вино производитъ бурю, а слово — тишину; вино причиняетъ шумъ, а слово прекращаетъ смятеніе; вино помрачаетъ умъ, а слово просвѣщаетъ и помраченнаго; вино вселяетъ скорби, которыхъ не было, а слово отгоняетъ и тѣ, которыя были» (Твор. его, т. 1, страница 760). Если же христіанинъ вмѣсто радости чувствуетъ тоску, досаду, печаль и т. п., то это, просто, потому, что онъ живетъ несогласно съ закономъ Божіимъ, не имѣетъ любви къ Богу и ближнему, и такимъ образомъ отгоняетъ отъ себя благодать Божію, отъ которой только и можетъ быть истинная духовная радость. Преступая заповѣди Божіи, человѣкъ чувствуетъ укоры и мученія совѣсти за это. А при такомъ мученіи, понятно, не можетъ быть радости, а лишь одна тоска и печаль. И вотъ, чтобы заглушить эти мученія совѣсти, человѣкъ и пьетъ одуряющіе умъ и помрачающіе совѣсть яды: отравившись ими, сдѣлавшись сумасшедшимъ, онъ, жалкій, думаетъ, что пріобрѣлъ веселье, радость. Но отъ такого веселья избави, Господи, всякаго! Такого веселья нужно избѣгать, какъ ложнаго, обманнаго, преступнаго. Поддѣльное веселье — веселье отъ пьянства, неизбѣжно наказывается, какъ и всякій подлогъ, какъ очевидное преступленіе противъ законовъ Божіихъ: какую чувствовалъ, повидимому, радость, такую же и еще большую будешь ощущать послѣ

печаль — невыносимую болѣзнь души и тѣла; всѣ знаютъ, какъ несчастные пьяницы мучатся послѣ выпивки при отрезвленіи — «съ похмелья»: голова трещитъ отъ боли, на душѣ чувствуется страшная тоска, какая-то жгучая боль. Но за это свое великое страданіе пьяницы получатъ, разумѣется, не царствіе Божіе, а вѣчную муку. Ихъ здѣшнія мученія — несомнѣнные предвѣстники адскихъ мукъ. Ихъ страданіямъ, безъ сомнѣнія, радуется самъ сатана. Таково веселіе пьяницъ! Такова ихъ радость!

Боли «съ похмелья» у пьяницъ бываютъ оттого, что у него разрушается нѣкоторая часть нервовъ и мозга, какъ бы гніетъ. Отъ частаго же отравленія спиртными напитками у пьющихъ мозгъ настолько повреждается, что они дѣлаются прямо помѣшанными. Это помѣшательство извѣстно подъ именемъ бѣлой горячки; тогда имъ представляются различныя привидѣнія и непремѣнно демоны. Они тогда всего боятся, передъ всѣми дрожатъ и трясутся. Все это необходимо помнить любящимъ выпить для смѣлости: какова смѣлость отъ выпивки, и къ чему она приводитъ! Смѣлость отъ пьянства не есть храбрость, а безстыдное нахальство, демонская наглость и дерзость.

Многіе убѣждены и говорятъ, что пить по стаканчику передъ обѣдомъ и ужиномъ очень полезно. Чѣмъ же полезно? Для чего пить предъ принятіемъ пищи? А для возбужденія аппетита, — говорятъ. И какъ не стыдно это говорить?! Пьешь водку для того, чтобы побольше съѣсть! Да развѣ ты свинья, чтобы только жрать и жрать, извиняюсь за грубое выраженіе — другого нѣтъ, до послѣдней степени возможности? Да и свиньи довольствуются только естественнымъ аппетитомъ и никогда не возбуждаютъ его искусственно. А ты — человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божію; ты — христіанинъ, освященный кровію и благодатію Христовою, зачѣмъ же ты ставишь себя ниже скота несмысленнаго?! Пьяный, дѣйствительно, «противнѣе самыхъ безсловесныхъ, — по словамъ святого Златоуста: — безсловесныя животныя пьютъ до толѣ, пока чувствуютъ жажду, и ограничиваютъ пожеланіе потребностію, а этотъ по невоздержанію своему

пожеланіе простираетъ далѣе потребности и становится безразсуднѣе безсловесныхъ» (Твор. его, т. 2, сл. прот. упивающихся). «И подлинно, не гораздо ли лучше такихъ людей оселъ? Не гораздо ли лучше песъ? Каждое изъ этихъ животныхъ, какъ и всѣ вообще животныя, ѣдятъ ли, пьютъ ли, знаютъ предѣлы довольства и не простираются далѣе потребности. И хотя бы тысячи человѣкъ принуждали ихъ, никогда не дадутъ себѣ дойти до неумѣренности. Итакъ, вы хуже безсловесныхъ» (т. VII, бес. 57). «Гдѣ пьянство, тамъ и дьяволъ; гдѣ срамословіе и пресыщеніе, тамъ ликуютъ демоны» (тамъ же, бес. 90). Не глупо ли, не преступно ли не только ѣсть до объяденія, но еще возбуждать аппетитъ искусственно — отравой, чтобы объѣдаться сверхъ объяденія? Ты долженъ ѣсть для того только, чтобы жить, а не жить для того только, чтобы ѣсть. «Блюдите, да не отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ или піянствомъ», заповѣдалъ Спаситель. А ты блюдешь за тѣмъ, чтобы постоянно объѣдаться и опиваться. Не преступленіе ли это заповѣди Божіей? Объяденіе, воспрещенное Евангеліемъ, ты стараешься усилить выпивкой: одно преступленіе усиливаешь и увеличиваешь другимъ, да еще оправдываешься этимъ. Но говорятъ: я пью не для объяденія, а потому, что не чувствую аппетита, — ѣсть не хочется. Но если не хочешь ѣсть, такъ и не ѣшь, пока захочешь. Если не хочешь ѣсть, значитъ твой желудокъ не требуетъ пищи, требуетъ отдыха; дай же ему отдохнуть, не подрывай его; иначе разстроишь, повредишь его, и неминуемо наживешь какую-нибудь болѣзнь, можетъ, быть, неизлѣчимую.

Да и получается ли аппетитъ отъ выпивки? Повидимому, да. Но въ дѣйствительности любители выпивки теряютъ аппетитъ постепенно, но неизмѣнно, и доходятъ, наконецъ, до того, что довольствуются нѣсколько дней и недѣль одной только водкой, не употребляя никакой пищи. Это состояніе извѣстно подъ именемъ запоя, который получается отъ отравленія и разстройства печени, желудка и другихъ внутреннихъ органовъ, и который неминуемо ведетъ къ преждевременной смерти Вотъ какой аппетитъ получается отъ выпивки.

Пьютъ водку еще для тепла, чтобы согрѣться въ холодную погоду. Но и въ этомъ случаѣ жестоко ошибаются, вмѣсто пользы получая вредъ. Съ перваго разу водка, дѣйствительно, какъ-будто согрѣетъ, но потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, человѣкъ остываетъ болѣе того, чѣмъ если бы не пилъ. Отъ этого и замерзаютъ больше въ пьяномъ состояніи. Это видно изъ самой жизни, это подтверждается и научными изслѣдованіями.

Почему же водка согрѣваетъ хотя на малое время? Да опять-таки потому, что она — ядъ, а вовсе не потому, что полезна. Когда въ живой организмъ введенъ какой-нибудь ядъ, природа старается удалить его — пока онъ находится еще въ желудкѣ, — посредствомъ рвоты, что̀ пьющимъ хорошо извѣстно; если же ядъ попалъ въ кровь, организмъ стремится удалить его, очистить отъ него кровь усиленнымъ кровообращеніемъ. А такъ какъ кровь обращается отъ біенія сердца, то оно начинаетъ биться очень сильно и очень часто. А отъ такого неестественно быстраго движенія крови и ненормальнаго біенія сердца и является въ человѣкѣ теплота, конечно, неестественная и ненормальная, а потому и вредная. Вотъ почему отъ водки человѣкъ согрѣвается, пока этотъ ядъ находится въ его крови. Но отъ усиленной работы сердце устаетъ и требуетъ отдыха. И вотъ, когда спиртный ядъ удаленъ изъ крови, оно начинаетъ биться слабѣе и рѣже, а отъ этого тепло въ человѣкѣ уменьшается, и онъ начинаетъ зябнуть, холодъ дѣйствуетъ на него сильнѣе, чѣмъ если бы онъ не пилъ.

При сильномъ же опьянѣніи у человѣка притупляется вмѣстѣ съ прочими чувствами и осязаніе, такъ что онъ не чувствуетъ холода и думаетъ, что ему тепло. Оттого-то пьяные больше и замерзаютъ.

Но хуже и ужаснѣе всего то, что отъ пьянства, какъ и отъ разврата, страдаютъ не только сами предающіеся имъ, но и ихъ ни въ чемъ неповинные потомки: дѣти пьяницъ почти всегда бываютъ пьяницами, такъ какъ спиртный ядъ переданъ имъ родителями въ крови; а внуки ихъ, обыкновенно, бываютъ идіотами, уродами и калѣками, отъ которыхъ часто не бываетъ потомства. Не потому ли

еще въ ветхомъ завѣтѣ Богъ сказалъ, что Онъ воздаетъ добрымъ въ тысячу родовъ, а злымъ только до третьяго и четвертаго рода, что въ этихъ родахъ ихъ потомство, обыкновенно, прекращается?

Несмотря на все зло и вредъ, происходящій отъ пьянства, оно постоянно усиливается и распространяется съ поражающей силой. Какъ нынѣ мало стало трезвыхъ людей! Дошло дѣло до того, что дивятся, если кто вовсе не пьетъ спиртныхъ напитковъ, считаютъ его за необыкновеннаго человѣка, чуть не за святого. Слѣдовало бы удивляться не тому, что не пьетъ, а что пьютъ. Если бы стали удивляться, что человѣкъ здоровъ, не болѣетъ ни коростой, ни чахоткой, никакой другой болѣзнью — это было бы очень печально: это значило бы, что всѣ больны, что человѣкъ здоровый въ диковинку. Такъ и въ данномъ случаѣ: если удивляются непьющимъ, значитъ они составляютъ рѣдкость, значитъ почти всѣ пьютъ. Въ древнія времена въ одной языческой странѣ пьянство считалось такимъ низкимъ порокомъ, было такимъ рѣдкимъ явленіемъ, что если попадался пьяный, то его водили по улицамъ на показъ, какъ что-то странное. А у насъ приходится водить на показъ непьющихъ, какъ людей необычайныхъ, не такихъ, какъ всѣ.

Плакать надо надъ теперешнимъ состояніемъ христіанъ: они пали ниже язычниковъ. Зло у нихъ стало обычнымъ явленіемъ, а обычное поведеніе человѣка стало считаться рѣдкой добродѣтелью. Если кто не отравляется никакимъ ядомъ, не ѣстъ навозу и грязи, не пьетъ керосину и дегтю, то развѣ это добродѣтель, развѣ это что-то необыкновенное? А у насъ стало необычной добродѣтелью, если кто не пьетъ спиртныхъ напитковъ, которые хуже керосину и дегтю, страшнѣе всякаго яду.

Да хорошо еще, если относятся съ удивленіемъ и уваженіемъ къ непьющимъ и некурящимъ! А то нынѣ многіе презираютъ такихъ, какъ людей жалкихъ, отсталыхъ, неразвитыхъ, ничего не понимающихъ. Это уже послѣдняя степень паденія нравственности. Презирать хотя бы и малую добродѣтель — это что-то не человѣческое, а прямотаки демонское.

Зная все это, не отравляйте ни себя, ни другихъ одуряющими ядами — спиртными напитками: не употребляйте ихъ никогда и ни въ какомъ количествѣ, въ особенности же не угощайте ими насильно никого! А то у нашего народа какая привычка угощать: «Пей, пей и пей», до тѣхъ поръ, пока не опьянѣешь совершенно. Никогда этого не дѣлайте, не угощайте до опьянѣнія, не превращайте своихъ домовъ въ кабаки и имъ подобныя заведенія! Напротивъ, если къ тебѣ пришелъ гость, то, прежде всего, уговаривай его не пить вовсе спиртныхъ напитковъ. Пусть твой домъ будетъ домомъ трезвости, а не пьянства, чтобы въ немъ обиталъ Духъ Святый, а не ликовали демоны. Если же вамъ кажется почему-то необходимымъ угощать своихъ гостей опьяняющими напитками, то не приставайте, чтобы они пили и пили до невозможности пить, а пригласите только разъ отвѣдать или два, и больше не дозволяйте, хотя бы они и желали, такъ какъ, по словамъ книги «О вѣрѣ», первая чаша во здравіе, вторая въ веселіе, а третья — въ безуміе. Не доводите же своего гостя до безумія! Если онъ самъ станетъ больше пить, остановите его и скажите: здѣсь не кабакъ, а домъ христіанина, растолкуйте ему вредъ и пагубу пьянства. Тогда вмѣсто вреда онъ получитъ пользу, и вы — такъ же.

Если же кто насильно угощаетъ спиртными напитками, требуя, чтобы ты пилъ до опьянѣнія, бѣгай отъ такого, какъ отъ зараженнаго, даже хуже, чѣмъ отъ зараженнаго, а какъ отъ такого, который старается заразить тебя какою-либо неизлѣчимой и смертельной болѣзнью, въ родѣ холеры или чумы. Пьянство даже хуже, несравненно хуже и страшнѣе этихъ ужасныхъ болѣзней. Онѣ убиваютъ только тѣло, а не душу. Пьянство же убиваетъ и то и другое: и тѣло и душу. Поэтому отъ него нужно бѣгать больше, чѣмъ отъ какой бы то ни было заразы: не ходите къ тому и въ домъ, кто старается напоить васъ допьяна.

Знаю, что многіе на это возразятъ: а какъ же въ писаніи и въ уставахъ церковныхъ разрѣшается употребленіе вина! Но вѣдь разрѣшается пить не водку, а вино, то-есть напитокъ, взятый изъ винограда, а не тотъ, который люди искусственно, какъ бы насильно добываютъ изъ веществъ,

ничего общаго съ виноградомъ не имѣющихъ. Притомъ вино, которое разрѣшается иногда употреблять, имѣетъ крѣпости, обыкновенно, только пять градусовъ. Да и то его святые отцы не употребляли цѣльнымъ, а всегда разбавляли на половину водой, такъ что въ немъ оставалось почти два градуса. А водка обыкновенная имѣетъ сорокъ градусовъ. Чтобы сдѣлать ее подходящей къ такому вину, требуется на одинъ стаканъ ея шестнадцать стакановъ воды, да еще нѣсколько частей сахаристыхъ, сладкихъ веществъ. Но и тогда она мало будетъ подходить къ натуральному виноградному вину, такъ какъ въ ней всегда есть сивушное масло, сильный ядъ, котораго въ натуральномъ винѣ не бываетъ. Къ вину, которое церковные уставы разрѣшаютъ иногда употреблять, скорѣе подходитъ нашъ квасъ, чѣмъ водка, ибо и онъ имѣетъ одинъ градусъ спирта. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ уставахъ древнерусской церкви, послѣ разрѣшенія употреблять въ извѣстные дни немного вина, дѣлается такая оговорка: «А у насъ здѣ въ Руссіи вина нѣсть: піемъ квасъ».

Но и натуральное виноградное вино, имѣющее, какъ сказано, немного болѣе двухъ градусовъ, церковные уставы разрѣшаютъ пить не чрезъ мѣру, не болѣе какъ по двѣ небольшихъ чаши, и то только въ извѣстные дни. Если же кто позволяетъ себѣ употреблять его больше, то святые отцы обличаютъ и преслѣдуютъ, какъ преступное пьянство. Лучше не пить никогда!

Слово третіе.

Прошлый разъ я показалъ, насколько страшна и гибельна, насколько вредна и преступна, насколько душепагубна и отвратительна страсть пьянствовать. Но какъ ни гибельна, какъ ни постыдна эта страсть, однако есть страсть еще болѣе омерзительная, еще болѣе вредная. Я говорю о противоестественной привычкѣ многихъ помрачать свой умъ, заглушать свою совѣсть, одуряющимъ дымомъ ядовитыхъ растеній, а именно табака. Что можетъ быть постыднѣе и грѣховнѣе этой отвратительной прихоти? Отравляясь спиртнымъ ядомъ, пьяница дѣлаетъ это, по крайней мѣрѣ, по естеству, то-есть, пьетъ, какъ естество научило человѣка пить воду. А курящій отравляетъ себя дымомъ, принимая его въ ротъ и во внутренности. Да развѣ Богъ опредѣлилъ человѣку питаться дымомъ? Развѣ естественное дѣло — брать въ ротъ вонючій дымъ ядовитаго растенія и глотать его или дышать имъ, отравляя себя? Это противно, естеству, противно законамъ природы, а слѣдовательно и Богу, установившему эти законы.

Куреніе табаку, какъ страсть противоестественная, ставитъ человѣка ниже скота несмысленнаго. Если, по свидѣтельству святого Златоуста, пьяный хуже осла и пса за свое невоздержаніе, то тѣмъ болѣе куритель табака. Вѣдь пьяница непостоянно, не ежечасно отравляетъ себя: у него бываютъ времена отрезвленія, иногда продолжительныя. А табачникъ отравляетъ себя ежечасно, даже на часу нѣсколько разъ принимается курить; и ночью ему бѣдному нѣтъ покою: иной за ночь разъ десять встанетъ покурить. Для табачника нѣтъ

ничего святого: ни поста, ни праздника, ни молитвы. Табакъ ему выше Бога: лишь только всталъ утромъ, онъ вмѣсто молитвы Богу принимается курить; и такъ дѣлаетъ, невзирая ни на постъ, ни на праздникъ. Если же онъ иногда и удержитъ себя отъ куренія, если и не покуритъ до литургіи, то все богослуженіе только и думаетъ о табакѣ; молитва ему и на умъ не идетъ; вся душа его занята всецѣло мыслью о куреніи. Словомъ, табакъ для курильщика сталъ богомъ, какъ для идолопоклонника идолъ. Табакъ даже хуже идола. Идолъ не отравлялъ служащихъ ему, не одурялъ ихъ ума и совѣсти, а лишь отлучалъ отъ истиннаго Бога и ввергалъ въ погибель ихъ души. А табакъ и отлучаетъ отъ Бога, и ввергаетъ въ пропасть погибели, и одурманиваетъ умъ, и заглушаетъ совѣсть, и ставитъ человѣка ниже всякаго животнаго. Никакое животное не можетъ терпѣть дыму, въ особенности табачнаго; оно инстинктивно чувствуетъ его ядовитость и вредъ, и потому бѣжитъ отъ него.

Дѣйствительно, въ табакѣ есть сильный ядъ — никотинъ, который въ нѣсколько разъ сильнѣе мышьяка, сулемы и прочихъ ядовъ, исключая развѣ синильной кислоты. Но почему же курильщики не умираютъ сразу отъ такого яда? — Да потому, во-первыхъ, что никотину проглатывается или не слишкомъ много—только до первой или второй степени отравленія; а во-вторыхъ, человѣческій организмъ борется съ этимъ ядомъ, и постепенно какъ бы привыкаетъ къ нему. Но эта борьба и привычка слишкомъ дорого оплачиваются табачникамъ: отъ сильной борьбы и неестественной привычки къ яду организмъ его слишкомъ скоро живетъ — изнашивается, и онъ преждевременно низвергается въ могилу. Табачники не доживаютъ до своей естественной смерти, по крайней мѣрѣ, десяти лѣтъ, а то и болѣе. Дознано и доказано, что ни одинъ табачникъ не дожилъ до ста лѣтъ, а до глубокой старости рѣдко кто изъ нихъ доживаетъ.

Почему же курятъ табакъ? Или онъ очень ужъ сладокъ и пріятенъ? — Нѣтъ, онъ горекъ и противенъ.

Если кто закуритъ въ первый разъ, то является рвота, головокруженіе, дрожаніе тѣла, словомъ — всѣ признаки отравленія. Да и у привычныхъ курильщиковъ куреніе вызываетъ не менѣе противныя и вредныя ощущенія: кашель, сердцебіеніе, нервныя и желудочныя разстройства, дурной вкусъ во рту, въ особенности по утрамъ. — Для чего же послѣ этого курятъ табакъ? — А для одуренія ума и омраченія совѣсти. — Для чего же человѣку одурять свой умъ и омрачать совѣсть? — А для того, чтобы свободнѣе было дѣлать зло, или забыть уже сдѣланное. Когда человѣкъ находится въ здравомъ умѣ, разсудокъ возбраняетъ ему дѣлать зло, преступать законъ Божій, угождать плоти, обманывать ближнихъ, вообще — грѣшить. И вотъ люди ухитрились освобождаться на время отъ укоровъ совѣсти или питьемъ ядовитыхъ жидкостей, или куреніемъ ядовитыхъ растеній. Кажется, достаточно было бы отравлять себя и одурять свой умъ и совѣсть спиртнымъ ядомъ. Зачѣмъ для этого употреблять еще другой ядъ — табачный, болѣе противный и болѣе вредный? А затѣмъ, что употреблять спиртный ядъ не всегда удобно, а заглушать свою совѣсть человѣку грѣшному, творящему всегда зло, требуется постоянно. Табакъ же для этой цѣли очень удобенъ: чуть только совѣсть стала укорять, закурилъ — и заглушитъ ее, хотя курильщики этого и не хотятъ сознавать.

Удивительное дѣло! Вонючую одуряющую и вредную гадость люди сдѣлали предметомъ своей необходимости, превративъ противоестественное употребленіе ея въ преступную страсть, и именно потому, что она отвратительна и вонюча, одуряетъ умъ и вредитъ здоровью. Многія дивятся и ропщутъ, зачѣмъ Еввa преступила заповѣдь Божію, зачѣмъ ѣла отъ запрещеннаго плода? Но тотъ плодъ, по крайней мѣрѣ, «красенъ бѣ и добръ въ снѣдь», то-есть красивъ на видъ и сладокъ на вкусъ. Но какая, спрашивается, красота въ табачномъ дымѣ? Какой въ немъ вкусъ? Взгляните вы здраво на курильщика, держащаго въ зубахъ что-то горящее, испускающаго изо рта и носа клубы синяго ядоноснаго дыма.

Кого онъ напоминаетъ? На кого онъ похожъ? Вѣдь ему, право, не хватаетъ только роговъ и хвоста для полнаго эффекта, для совершеннаго сходства съ тѣмъ, съ кѣмъ ему, безъ сомнѣнія, придется по смерти раздѣлять свою несчастную участь, если не покается. А каковъ вкусъ въ табакѣ? Такой, что во рту чувствуется, особенно по утрамъ, будто въ него накладено какой-то мерзости; такой, что его не ѣстъ никакой скотъ, даже самая прожорливая свинья. Если Евва не получила извиненія за свой поступокъ, несмотря на то, что обольстилась красотой и вкусомъ запрещеннаго плода, то какое же прощеніе надѣются получить не имѣющіе и этихъ смягчающихъ обстоятельствъ — табачники? Діаволъ, какъ-будто въ насмѣшку надъ родомъ человѣческимъ и для усугубленія вины, обольщаетъ людей отравлять себя не простымъ какимъ, а особенно гадкимъ ядомъ — табачнымъ дымомъ. Ядовитые грибы называются погаными за ихъ ядовитость. Отчего же табакъ не назвать поганымъ? Вѣдь онъ неизмѣримо ядовитѣе, а потому и неизмѣримо поганѣе всякихъ грибовъ, обладающихъ этими качествами.

Удивительно и жалко! Что велитъ дѣлать Богъ, люди не исполняютъ, хотя бы оно было пріятно и полезно во всѣхъ отношеніяхъ, а что угодно діаволу, то съ поразительнымъ усердіемъ стараются дѣлать, хотя бы оно было и отвратительно, и вредно. Что можетъ быть пріятнѣе чистоты ума и сердца, достигаемой воздержаніемъ, любовію и молитвою? И однако многіе ли заботятся объ этомъ? И наоборотъ, что можетъ быть мучительнѣе и вреднѣе одуренія своего ума, омраченія своей совѣсти и отравленія своего тѣла сквернымъ и ядовитымъ дымомъ? И однако очень многіе страстно занимаются этимъ. И все потому только, что первое пріятно Богу, а второе — діаволу. Если бы ты приказалъ своему сыну ѣсть хлѣбъ, а твой врагъ предложилъ бы ему ѣсть грязь и навозъ, и твой сынъ сталъ бы дѣлать послѣднее — не счелъ ли бы ты это за крайнее для себя оскорбленіе, не наказалъ ли бы ты его? Вотъ такъ же и нашъ Отецъ небесный оскорбляется, если кто

не исполнить Его пріятныхъ заповѣдей, а творить волю Его врага, хотя бы это было и вредно и омерзительно.

Не думаю, чтобы мое слово могло отучить пьяницъ отъ пьянства, а пристрастившихся табачниковъ отъ куренія. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія. Исцѣляются и бѣснующіеся. Но для этого требуется много труда. «Сей родъ ни чимъ же можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ» (Марк. зач. 40). Дѣйствительно, привычнаго пьяницу и табачника такъ же трудно излѣчить отъ пороковъ, какъ исцѣлить бѣсноватаго. И это, безъ сомнѣнія, потому что эти грѣшные пороки — пьянство и куреніе дѣлаются по внушенію діавола, какъ угодная ему жертва.

Врачебная наука трудность отстать отъ водки и табака объясняетъ тѣмъ, что у людей, употребляющихъ эти ядовитыя вещества, почти весь организмъ отравленъ. Если человѣкъ вскорѣ не умираетъ отъ этихъ ядовъ, то лишь потому, что его организмъ борется съ ними. А отъ этого онъ находится въ возбужденномъ состояніи, которое прекращается лишь только тогда, когда удаленъ изъ организма ядъ. Но тѣло человѣка въ силу привычки требуетъ новаго возбужденія, новаго пріема яда. Вотъ почему пьяницѣ и курильщику трудно отстать отъ своихъ привычекъ.

Въ частности, табачный дымъ отравляетъ нервы, легкія, желудокъ, но, главнымъ образомъ, сердце. Въ медицинѣ табакъ и считается, по преимуществу, сердечнымъ ядомъ. Кровь отъ куренія загрязняется, грудь заваливается мокротами. Для здоровья человѣку необходимо дышать свѣжимъ воздухомъ, которымъ очищается кровь; дымъ для дыханія, безусловно, вреденъ, въ особенности ядовитый, каковъ и есть табачный. Попадая въ легкія, онъ не очищаетъ, а заражаетъ кровь, заваливаетъ грудь мокротами, вредными для здоровья. Мокроты эти у курильщика не могутъ быть удалены изъ легкихъ, такъ какъ табачный дымъ поражаетъ мерцательные эпителіи легкихъ и сердца. Мерцательныя эпителіи — это какъ бы метелочки, которыми усѣяны легкія и горло и которые очищаютъ наши легкія, какъ бы выметаютъ изъ нихъ

всякія мокроты и вообще все, что изъ посторонняго попадаетъ въ нихъ. Но отъ табачнаго дыма эти эпителіи прекращаютъ свою дѣятельность, какъ бы обмираютъ. Отъ этого легкія заваливаются мокротами, никогда не очищаясь: человѣкъ чувствуетъ тяжесть въ груди и кашель. Но лишь только онъ перестаетъ курить, мерцательные эпителіи, привыкшіе къ усыпленію табачнымъ ядомъ, снова требуютъ усыпленія: является непреодолимый позывъ покурить. Если долго не курить, мерцательные эпителіи оживаютъ, начинаютъ свою дѣятельность, выгоняютъ мокроты изъ легкихъ, и появляется сильный кашель. Этому нужно бы радоваться, такъ какъ чрезъ нѣсколько времени легкія совершенно очистились бы, и человѣкъ освободился бы отъ многихъ болѣзней или предупредилъ бы ихъ. А курильщикъ по невѣжеству думаетъ, что у него появляется грудная болѣзнь, и опять начинаетъ курить, и опять умерщвляетъ мерцательные эпителіи, и опять грудь наполняется нечистотами. Вотъ почему, говорятъ, трудно отстать отъ куренія пристрастившемуся къ нему, несмотря на очевидный вредъ этой глупой и скверной привычки.

Какъ бы то ни было, но безспорно то, что страсть куренія табака гибельна душѣ, вредна тѣлу, омерзительна всѣмъ чувствамъ, противна природѣ, преступна предъ закономъ Божіимъ и, слѣдовательно, угодна діаволу; къ ней весьма легко привыкнуть, но чрезвычайно трудно отвыкнуть.

Не даромъ же въ одной изъ старопечатныхъ книгъ (книга «О вѣрѣ») табакъ называется бѣсовскимъ, не потому, конечно, что его будто бѣсъ сотворилъ, а потому, что одурманиваніе себя имъ угодно бѣсамъ, и, безспорно, при помощи его овладѣваютъ человѣкомъ, такъ что люди имъ особенно «повредились и въ чувство прійти не хотятъ».

Я уже не говорю о томъ, сколько отъ куренія табака бываетъ пожаровъ и сопряженныхъ съ ними бѣдствій, потому что знаю, что табачника этимъ не убѣдишь: для него хоть всѣ погибай, а онъ все-таки будетъ курить и курить. Если онъ своего здоровья и самой жизни не

щадитъ ради поработившей его страсти, то о ближнихъ и говорить нечего! Ради нея онъ готовъ даже жертвовать спасеніемъ своей души. Не напрасно же ходитъ извѣстный анекдотъ, что табачникъ въ рай не захотѣлъ идти потому, что тамъ табаку нѣтъ, а въ адъ согласился итти потому, что онъ тамъ будто есть. Вотъ до чего сильна эта противоестественная страсть, даже по народному представленію.

Я знаю, что въ средѣ насъ, старообрядцевъ, не особенно много курящихъ, но тѣмъ не менѣе, зло это замѣтно усиливается и увеличивается постоянно. А потому я обличаю его, сознавая, что зло легче и разумнѣе пресѣчь вначалѣ, чѣмъ тогда, когда оно усилится, болѣзнь полезнѣе и цѣлесообразнѣе предупредить, чѣмъ лѣчить. Раньше курящихъ изъ старообрядцевъ вовсе не было, такъ что курящій и старообрядецъ были такими же несовмѣстимыми понятіями, какъ холодный огонь, или горячій ледъ. Но теперь и у насъ куреніе стало явленіемъ чуть ли не обычнымъ, особенно въ городахъ. Это очень жалко и печально! Если кто изъ нестарообрядцевъ куритъ, это не такъ странно и преступно, потому что нигдѣ куреніе табака не считается такимъ великимъ и позорнымъ преступленіемъ, какъ именно у насъ, гдѣ оно преслѣдуется церковными законами, наказывается духовными отцами и осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому, если кто изъ старообрядцевъ куритъ, то значитъ онъ потерялъ и попралъ все святое и завѣтное для христіанина и человѣка, значитъ онъ не дорожитъ ни общественнымъ мнѣніемъ, ни наставленіемъ и наказаніемъ духовныхъ отцовъ, ни церковными законами и правилами, значитъ онъ потерялъ всякій стыдъ, совѣсть и страхъ Божій. А такой человѣкъ развѣ заслуживаетъ хотя какого-нибудь уваженія и довѣрія: «Вѣрный въ малѣ, и во мнозѣ вѣренъ есть, а невѣрный въ малѣ, и во мнозѣ не вѣренъ есть» изрекла сама вѣчная Истина (Лук. зач. 81). Если онъ ради своей отвратительной и вредной прихоти жертвуетъ всѣмъ своимъ духовнымъ достояніемъ: и божественными законами, и стыдомъ, и приличіемъ,—то на что же не рѣшится онъ

для удовлетворенія такихъ своихъ страстей, которыя хотя еще болѣе омерзительны, вредны и преступны, но кажутся болѣе пріятными? Изъ этого, конечно, бываютъ и исключенія. Но исключенія, какъ извѣстно, лишь подтверждаютъ законъ, а не разрушаютъ его.

Зная все это, избѣгайте отравлять себя одуряющими ядами! Если ты еще не отвѣдалъ водки или табаку, то и не отвѣдывай: пусть тебѣ не будетъ извѣстно это кажущееся, но преступное и вредное удовольствіе быть пьянымъ, одурѣлымъ, отравленнымъ! Старайся и другихъ предупреждать или отвращать отъ этихъ гибельныхъ страстей! Если же ты уже началъ предаваться имъ, то брось, пока еще не поздно, пока еще они не овладѣли тобой совершенно, и пока еще не восхитила тебя смерть, послѣ которой нѣтъ покаянія и исправленія, нѣтъ и спасенія!

„Въ молодости нагрѣшу, а въ старости покаюсь“.

Такъ думаютъ и даже иногда говорятъ многіе молодые люди. Но это самый вредный, самый душепагубный самообманъ. Даже болѣе: это — мысль, всѣваемая діаволомъ; это — его арканъ, которымъ онъ уловляетъ и таскаетъ за собой всѣхъ слушающихъ этого его коварнаго внушенія. Сколько такимъ образомъ погибло душъ христіанскихъ, исчислить невозможно.

Наблюденія надъ жизнію доказываютъ, что рѣдко бываетъ, чтобы въ старости человѣкъ измѣнилъ свою жизнь къ лучшему. Обыкновенно же, кто смолоду привыкъ грѣшить, кого въ юности поработила какая-нибудь страсть, тотъ и до старости остается вѣренъ ей, до самой смерти рабствуетъ грѣху. Кто смолоду привыкъ пьянствовать или курить табакъ, или сквернословить, тотъ и въ старости это дѣлаетъ. Каждому изъ насъ приходилось видѣть сѣдовласыхъ старцевъ и пьянствующихъ, и курящихъ табакъ, и сквернословящихъ, и иная неподобная творящихъ. Замѣчено даже, что дурныя привычки и грѣховныя страсти къ старости не только не ослабѣваютъ, но еще болѣе усиливаются и укореняются. Кто въ молодости усвоилъ скупость и жадность къ наживѣ, тотъ въ старости будетъ еще скупѣе и жаднѣе. Кто въ молодости привыкъ быть расточительнымъ, мотомъ, тотъ въ старости будетъ еще расточительнѣе. Кто смолоду былъ злымъ, сварливымъ, обидчикомъ; жестокосердымъ самолюбцемъ, то и въ старости будетъ такимъ же, только еще въ большей степени. Даже тѣ грѣхи и страсти, которые въ старости

человѣкъ не въ силахъ творить, не оставляютъ его, если онъ былъ порабощенъ ими смолоду: если не можетъ ихъ творить дѣломъ, то старается удовлетворить свои влеченія и страсти умомъ — мыслями.

Говорящіе, что въ молодыхъ годахъ нагрѣшу, а въ старости покаюсь, не что иное дѣлаютъ, какъ собираются принести Богу Каинову жертву, которую Богъ не принялъ потому, что она была принесена изъ худшихъ плодовъ и, значитъ, безъ надлежащаго усердія. Такъ и въ данномъ случаѣ. Молодые годы, лучшую часть жизни намѣреваются употребить на службу діаволу, а старые годы, худшую часть жизни — готовятся отдать Богу. Приметъ ли Богъ такую жертву? Допуститъ ли дожить до старости? Не большая ли часть рода человѣческаго умираетъ, не достигнувъ преклонныхъ лѣтъ? Если же и доживетъ до старости, то перестанетъ ли грѣшить? Если по немощи тѣлесной нѣкоторыхъ грѣховъ и не станешь творить, то потому только, что не можешь. А это развѣ добродѣтель? Развѣ ты оставишь грѣхи? Не грѣхи ли тебя оставятъ?

Не имѣя силъ грѣшить въ старыхъ годахъ, не будешь такъ же имѣть силъ и творить добрыхъ дѣлъ или даже покаяться. До покаянія ли тогда, когда человѣкъ едва можетъ ходить, едва помнитъ свою прошедшую жизнь, а часто и совсѣмъ забываетъ не только прошедшее, но и настоящее. Конечно, бываютъ и исключенія; случается, что и въ старости исправляютъ свою жизнь, каются въ прежнихъ грѣхахъ, и Богъ принимаетъ ихъ покаяніе. Но такія исключенія не измѣняютъ общаго закона жизни, по которому жившему смолоду безнравственно почти невозможно исправить себя въ старости, какъ искривленное смолоду дерево почти невозможно исправить, когда оно состарѣется. Правда, благоразумный разбойникъ передъ самой смертью покаялся и получилъ райское блаженство. Но не надо забывать, что другой разбойникъ и передъ смертью не покаялся, и, умирая, продолжалъ непростительно богохульствовать. Если ты велъ жизнь разбойника или даже хуже разбойника, то спрашивается: кѣмъ окажешься передъ смертью? Благо-

разумнымъ или злонравнымъ разбойникомъ? Чѣмъ можно доказать, что передъ смертью ты будешь каяться, а не продолжать грѣшить словами, а можетъ-быть и дѣлами? Кто поручится, что Богъ приведетъ тебя покаяться? «Кто грѣшитъ въ надеждѣ на прощеніе, тому нѣтъ прощенія», говоритъ преподобный Ефремъ Сиринъ. И справедливо. Ибо кто грѣшитъ именно потому, что Богъ милосердъ, тотъ съ умысломъ злоупотребляетъ Божіимъ милосердіемъ, выставляетъ Бога виновникомъ зла и такимъ образомъ явно богохульствуетъ. Такимъ нѣтъ прощенія не потому, что Богъ не хочетъ простить ихъ, а потому, что они, обыкновенно, почти никогда не раскаиваются искренно.

Въ виду всего этого необходимо всѣми силами и способностями бороться съ этимъ діавольскимъ внушеніемъ, что въ молодости нагуляюсь, дамъ волю своимъ страстямъ и влеченіямъ, нагрѣшу сколько могу, а въ старости буду жить хорошо, нравственно, добродѣтельно и въ прежнихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ покаюсь. Бойтесь этой душепагубной мысли, какъ яда, какъ огня негасимаго, въ который она и приводитъ! Старайтесь пріучить себя съ молодыхъ лѣтъ жить согласно Закону Божію, поступать нравственно, творить добрыя дѣла! Тогда и подъ старость будетъ хорошо и пріятно. Что посѣешь смолоду, то самое и пожнешь въ старости и непремѣнно съ хорошимъ урожаемъ. «Сѣющіе слезами радостію пожнутъ» (псал. 125, ст. 6). «Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю». Посѣешь пшеницу, пшеницу и пожнешь. Посѣешь репейникъ, кропиву или другія какія сорныя и вредныя растенія,— они и уродятся, а не другое что. Такъ и въ жизни. Чему желаешь выучиться, тому учись смолоду; а на старость откладывать обученіе или усвоеніе чего-либо прямо-таки и смѣшно, и глупо, и преступно. Желающій быть ремесленникомъ, художникомъ, писателемъ, ученымъ и проч. станетъ ли откладывать на старость обученіе своему дѣлу? А если отложитъ, то ничего изъ него и не выйдетъ. Можно ли считать художникомъ того, кто говоритъ: я подъ старость выучусь этому дѣлу? Закажешь ли ты сапоги

шить тому, кто собирается лишь въ старости заняться этимъ ремесломъ? А нравственность или добрыя дѣла выше, необходимѣе и полезнѣе всякаго ремесла, всякаго художества, всякой науки. Зачѣмъ же откладывать усвоеніе нравственныхъ поступковъ до старости? Даже при постоянномъ упражненіи въ усовершенствованіи ихъ трудно удержаться на подобающей высотѣ, чтобы не погибнуть. Что же сказать о томъ, кто постоянно упражняется во злѣ. «Аще праведникъ едва спасется, нечестивый грѣшный гдѣ явится» (1 Петр. зач. 62).

Поэтому-то почти всѣ святые и великіе угодники Божіи начинали свои подвиги съ молодыхъ лѣтъ. Преподобный Антоній Великій ушелъ въ пустыню лѣтъ шестнадцати. Преподобные Антоній и Ѳеодосій печерскіе также до двадцатилѣтняго возраста ушли въ монастырь. Святые Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ — извѣстные вселенскіе учители также съ молодыхъ лѣтъ, еще до окончанія высшаго образованія посвятили себя на служеніе Богу. Такихъ примѣровъ можно указать многое множество. Всѣ эти люди были дѣйствительно безупречной и высокой нравственности, великихъ духовныхъ подвиговъ и достойныхъ удивленія добродѣтелей.

Подражайте этимъ образцамъ нравственности, старайтесь уподобиться имъ насколько возможно, и не слушайте внушенія духа злобы, помня, что «супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искіи, кого поглотить» (1 Петр. зач. 63), отъ него же да избавитъ васъ Господь Богъ Своею благостію и человѣколюбіемъ.

Причина войнъ.

Война, война!... Какое ужасное слово! Какое ужасное дѣло! Но ужаснѣе всего то, что это слово и дѣло всегда было, есть, и будетъ, пока существуетъ родъ человѣческій, и чѣмъ дальше, тѣмъ, кажется, хуже. Самъ Спаситель предсказалъ, это и предъ самымъ концомъ міра будутъ войны, и при томъ особенныя и кровопролитныя. Услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ, смотрите не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему тому быть,— сказалъ Онъ,— но это еще не конецъ. «Ибо возстанетъ народъ на народъ и царство на царство». Неужели же никогда и не настанетъ такого времени, когда войны не будетъ, то-есть, когда она станетъ невозможной? Хочется вѣрить, что такое время настанетъ. Лучшіе, а иногда даже и худшіе представители рода человѣческаго всегда заботились, и заботятся объ осуществленіи всеобщаго и вѣчнаго мира, такъ, чтобы войны никогда не было. Кажется, всѣ средства, и хорошія и дурныя, были испробованы, и пробуются съ этою цѣлью и все напрасно. Изобрѣтали страшныя вещества и орудія для удобнѣйшаго и скорѣйшаго истребленія другъ друга, ниспровергали правительства и правителей, заключали международные союзы, договоры, «вѣчные миры», устраивали третейскіе суды, общества мира, отказывались итти въ военную службу, проклинали войну и воителей, доказывая ея зло и гибельность для воюющихъ и даже невоюющихъ..., а война, какъ ужасное привидѣніе, какъ злой духъ безжалостно терзаетъ человѣка, нагло издѣваясь надъ всѣмъ его достояніемъ.

Отчего же такъ? Отчего люди, при всемъ своемъ желаніи и стараніи, не могутъ прекратить войнъ — этого ужаснѣйшаго убійства самихъ себя? Оттого, что средства для этого употребляли и употребляютъ не тѣ, какія слѣдуетъ. А средства употребляютъ не тѣ потому, что причины войнъ ищутъ не тамъ, гдѣ надо, и находятъ не тѣ, которыя ихъ вызываютъ. Одни, думая, что причиною войнъ являются правительства, или правители, насильно ниспровергали ихъ, забывая, что войны начались раньше всякихъ правителей и правительствъ, и что гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ, все равно, войны ведутся и притомъ еще худшія, не международныя, а междоусобныя и постоянныя, какъ, напримѣръ, между дикими племенами Африки, Америки и Полинезіи. Сами правители и правительства иногда также полагали, что въ ихъ власти воевать и навсегда прекратить войны, и потому заключали разные миры вѣчные, священные союзы, чтобы войны никогда не было; но какъ бы въ опроверженіе такого мнѣнія вскорѣ вынуждены были браться за оружіе и воевать. Иные, считая причиною войнъ одни только международныя недоразумѣнія, заключали разные союзы, третейскіе суды и т. п., въ надеждѣ такимъ путемъ избѣгнуть всякихъ войнъ; но и это мало помогло дѣлу. Нѣкоторые, полагая, что войны происходятъ будто оттого, что люди или, точнѣе, народы не боятся другъ друга, стараются изобрѣтать самыя страшныя орудія, самыя злыя вещества для истребленія людей и снабдить ими всѣ народы, чтобы они боялись другъ друга и не воевали бы. Это такъ же хорошо и дѣльно, какъ и то, что для того, чтобы не было дракъ, вооружить всѣхъ людей ножами и ружьями. На время оно, пожалуй, и удержитъ нѣкоторыхъ людей отъ дракъ, но при первомъ же столкновеніи можетъ произойти не драка, а настоящая бойня, рѣзня или еще хуже. Являются и такіе, которые учатъ, что стоитъ только отказаться всѣмъ отъ военной службы, уничтожить всякое начальство и власть, и тогда войнъ никогда не будетъ, такъ какъ причиною ихъ будто бы являются начальства гражданское и духовное, которымъ почему-то будто непремѣнно хочется убивать людей пу-

темъ войны. Какъ ни нелѣпо это мнѣніе, однако и оно находитъ себѣ сторонниковъ; во главѣ его стоитъ одинъ изъ великихъ, но отпавшихъ отъ Христа писателей. Стоитъ ли опровергать это странное мнѣніе, этотъ абсурдъ? Оно столь же правдиво, полезно и цѣлесообразно, какъ и тотъ совѣтъ, что для того, чтобы не было болѣзней, — уничтожить лѣкарства и врачей.

Воюютъ и тамъ, гдѣ нѣтъ никакого начальства, воюютъ и при деспотическомъ правленіи, воюютъ и при конституціонномъ и республиканскомъ правленіи, воюютъ и при бюрократическомъ, плутократическомъ и демократическомъ правленіи, воюютъ и христіане, воюютъ и язычники, воюютъ и вѣрующіе, воюютъ и невѣрующіе; словомъ — нѣтъ такого народа, который бы никогда не воевалъ; нѣтъ такой страны, гдѣ ни разу не было войны. Что же изъ этого слѣдуетъ? А то, что ни форма правленія, ни начальства, ни религія, ни церковь, ни духовенство, ни международныя отношенія и ничто другое подобное сами по себѣ не суть виновники войнъ. Кто же виновникъ войны? Какая причина ихъ производитъ? Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно предварительно рѣшить, что такое война. Война, съ церковно-религіозной точки зрѣнія, есть не что иное, какъ одно изъ величайшихъ, ужаснѣйшихъ бѣдствій и наказаній, какія только постигаютъ человѣчество по промыслу или попущенію всевѣдущаго Бога. Церковь въ своихъ молитвахъ и твореніяхъ причисляетъ ее къ разряду такихъ бѣдствій, какъ голодъ, моровое повѣтріе, землетрясеніе и т. п. А причина всѣхъ этихъ бѣдствій или, точнѣе, наказаній суть наши злыя дѣла, наши грѣхи предъ Богомъ. Когда царь Давыдъ согрѣшилъ, къ нему явился пророкъ Гадъ и отъ лица Божія сказалъ: «Избирай себѣ (любое изъ трехъ наказаній): быть голоду въ странѣ твоей семь лѣтъ, или чтобы ты три мѣсяца бѣгалъ отъ непріятелей твоихъ, и они преслѣдовали тебя (т.-е. войну), или чтобы въ продолженіе трехъ дней была моровая язва въ странѣ твоей» (2 Цар. XXIV, 13). Давыдъ избралъ послѣднее, и моръ истребилъ болѣе семидесяти тысячъ народа. Не ясно ли, что причина

войны и подобныхъ ей бѣдствій, суть наши грѣхи и беззаконія, пребывая въ которыхъ, мы, пожалуй, и можемъ избѣжать войны, но не наказанія Божія: не будетъ войны, будетъ голодъ; не будетъ голода, будетъ моръ или еще что-нибудь подобное, а то и худшее. Если бы люди и народы, совершая злыя дѣла, грѣхи и беззаконія и постоянно пребывая въ нихъ, умудрились бы избѣгнуть всякой обыкновенной кары Божіей, — устроили бы такъ, что не было бы ни войны, ни голода, ни мора, ни другихъ подобныхъ всенародныхъ бѣдствій, словомъ— сдѣлали бы землю, повидимому, какъ рай Божій, тогда Богъ наказалъ бы ихъ другимъ, быть можетъ, необычайнымъ, ужаснѣйшимъ образомъ. Жители Содома и Гоморы, ведя крайне нечестивую и развратную жизнь, наслаждались всѣми земными благами, такъ что ихъ страна была, какъ рай Божій (Быт. XIII, 10): не терпѣли они никакихъ обычныхъ бѣдъ и несчастій. Однако казнь Божія поразила ихъ ужаснѣе всякой войны: страшный огонь, павшій съ неба, сжегъ ихъ живыми всѣхъ и все: и мужчинъ и женщинъ, и стариковъ и младенцевъ, и скотъ и всякое имущество, и даже землю, на которой они жили, такъ что образовалась пропасть, наполненная и донынѣ горькой отвратительной водой и извѣстная подъ именемъ Мертваго моря. Въ сравненіи со многими другими бѣдствіями война еще довольно легкое напоминаніе Божіе людямъ исправить свою жизнь. При другихъ наказаніяхъ (напримѣръ во время мора) гибнутъ всѣ, безъ различія пола, возраста и состоянія, а на войнѣ умираютъ только тѣ, кого пошлютъ, или кто пойдетъ на это, да и они имѣютъ возможность избѣгать смерти и даже какъ бы сражаться съ нею. Умираютъ наши ближніе, наши соотечественники и родственники на войнѣ за наши личные, общественные, народные, историческіе и иные грѣхи и беззаконія: это какъ бы очистительная жертва за насъ, хотя и не желательная, но, должно-быть, необходимая. Очень нехорошо и нежелательно, чтобы у человѣка появлялись язвы, или нарывы; но это часто служитъ къ его выздоровленію. Если не дать нарыву выйти наружу, болѣзнь не уничтожится, а лишь приметъ другую, можетъ-

быть, болѣе тяжелую форму, и, пожалуй, кончится смертью. Конечно, лучше, если нѣтъ ни наружной ни внутренней болѣзни; но требуется, чтобы именно не было самой болѣзни. А когда она есть, заглушать проявленія ея безполезно: въ лучшемъ случаѣ это только облегчитъ на время страданія больного, но не излѣчитъ его болѣзни. Нужно не угашать отдѣльные припадки или проявленія болѣзни, а лѣчить самую болѣзнь, уничтожая причину, ее производящую: тогда всѣ припадки и проявленія ея исчезнутъ сами собой. Такъ должно разсуждать и дѣйствовать и относительно болѣзней человѣчества, одной изъ которыхъ есть война, а причина, ее производящая, есть не другое что, какъ только наши злыя дѣла, наше невоздержаніе и самолюбіе, наше немилосердіе, жестокосердіе и ненависть другъ къ другу, наши семейныя неурядицы и общественныя разстройства, наши общерусскія церковныя нестроенія, раздоры и гоненія за вѣру и убѣжденія, наша лѣность къ молитвѣ и отчужденіе отъ Бога и святыхъ Его, доходящая у нѣкоторыхъ до открытаго невѣрія и злобнаго кощунства и богохульства. Война и другія общенародныя бѣдствія — необходимое, какъ бы естественное слѣдствіе этихъ причинъ. Примемъ же противъ этихъ причинъ и корней всѣхъ нашихъ бѣдствій соотвѣтствующія мѣры и способы, раскаемся во всѣхъ своихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, и станемъ творить противоположныя имъ добродѣтели, тогда и только тогда Богъ отвратитъ отъ насъ не только войны, но и всѣ другія бѣды, несчастія и наказанія. Хотя и предсказано, что войны будутъ до самаго скончанія міра, но если уничтожатся причины, ихъ вызывающія, не станетъ и ихъ самихъ. Богъ предсказалъ чрезъ Своего пророка Іону, что чрезъ три дня Ниневія будетъ разрушена; однако, когда жители ея раскаялись въ своихъ злыхъ дѣлахъ, Богъ отложилъ Свой приговоръ, и Ниневія была спасена, осталась неразрушенной.

Если въ ветхомъ завѣтѣ Богъ оказалъ такую великую милость приговореннымъ къ погибели грѣшникамъ ради ихъ покаянія, тѣмъ болѣе въ новомъ — готовъ оказать ее.

Помолимся же Ему о прощеніи нашихъ прегрѣшеній, вольныхъ и невольныхъ, помолимся объ облегченіи страданій воиновъ, полагающихъ жизнь свою ради нашихъ грѣховъ и беззаконій, помолимся «о мирѣ всего міра» и о любящихъ этотъ миръ, во главѣ котораго должны стоять христіане.

По поводу современныхъ смятеній.

Въ настоящій разъ я имѣю намѣреніе поговорить съ вами не по поводу нынѣшняго праздника, а по случаю теперешнихъ событій въ нашемъ отечествѣ — Россіи. Событія эти слишкомъ необычны, безотрадны и страшны. Совнѣ — ужасная и несчастная война, внутри — почти повсемѣстно бунты, волненія, разрушенія, поджоги, грабежи, убійства. Сколько погибло, и гибнетъ народу и народнаго достоянія, сего и исчислить невозможно. А что̀ дальше будетъ, одному Богу извѣстно.

Но не въ однихъ только государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ въ настоящее время волненія и безобразные безпорядки. Это же, только, пожалуй, въ большемъ размѣрѣ, происходитъ теперь и въ области духовной и умственной — въ области мысли и чувствъ, вѣрованій и убѣжденій, идей и взглядовъ. Тутъ, кажется, царитъ настоящій хаосъ, истинное столпотвореніе вавилонское, полное смѣшеніе языковъ, такъ что часто даже свои не понимаютъ другъ друга. Одни требуютъ уничтожить всякую собственность и всякое начальство; другіе учатъ, что не нужно противиться никакому злу и обидамъ; третьи проповѣдуютъ, что должно сопротивляться всѣмъ, кто только мѣшаетъ ихъ ученію и дѣламъ; четвертые наставляютъ не заботиться о здѣшней земной жизни, объ ея удобствахъ и благахъ, а стремиться къ приготовленію въ будущую загробную жизнь.

Несмотря однако на всю крайнюю и непримиримую противоположность всѣхъ этихъ міровоззрѣній, между ними не трудно найти точку соприкосновенія, точку

отправленія и основанія. Чтобы ясно видѣть это, начнемъ нѣсколько издалека. Стремленіе къ счастію или блаженству — врожденное чувство человѣка. Но только почти каждый по-своему понимаетъ, въ чемъ оно заключается. Одинъ полагаетъ счастіе въ богатствѣ, другой — въ умственномъ трудѣ и знаніи; одинъ — въ удовлетвореніи плотскихъ потребностей и влеченій, другой — въ удовлетвореніи требованій и побужденій человѣческаго духа; одинъ — въ совершеніи добрыхъ дѣлъ, другой — злыхъ; больной — въ здоровьѣ, влюбленные — въ привязанности другъ къ другу, трудолюбивые — въ исполненіи своихъ обязанностей, лѣнивый — въ праздности и проч. Но невзирая на такое множество и такое разнообразіе понятій о счастіи, разные законодатели и мыслители съ самыхъ древнихъ временъ старались изобрѣсти такія правила, или найти такую идею, при исполненіи или осуществленіи которыхъ водворилось бы счастіе и блаженство людей на землѣ. Но этого доселѣ еще не удалось достигнуть, да никогда, кажется, не удастся. Удалось только сдѣлать раздѣленіе понятій о счастіи и блаженствѣ на два разряда: на удовлетворяющія тѣлеснымъ потребностямъ и влеченіямъ и на удовлетворяющія требованіямъ и побужденіямъ человѣческаго духа.

Итакъ, точка соприкосновенія, основаніе цѣли всѣхъ главныхъ идей, которыя въ настоящее время руководятъ, двигаютъ и волнуютъ жизнь государствъ, народовъ, обществъ и отдѣльныхъ людей, есть устройство счастія или блаженства людей и всего человѣчества. Въ чемъ же они полагаютъ счастіе людей? За исключеніемъ христіанства, почти всѣ прочія современныя ученія стремятся найти счастіе людей въ удовлетвореніи ихъ тѣлесныхъ потребностей, влеченій и страстей.

Соціализмъ учитъ, что для достиженія счастія на землѣ требуется, чтобы не было ни бѣдныхъ ни богатыхъ. А для этого необходимо распредѣлить всѣ имѣнія людей поровну. Одни изъ соціалистовъ учатъ, что этого можно достигнуть мирнымъ путемъ, хотя бы и противъ воли владѣтелей собственности, что̀, конечно, не осуществимо

безъ самой жестокой борьбы. А потому другіе изъ нихъ утверждаютъ, что равномѣрнаго распредѣленія богатствъ иначе нельзя достигнуть, какъ только насиліемъ, а то и убійствами и другими подобными мѣрами по отношенію къ препятствующимъ идеѣ соціалистовъ. И не только этому учатъ, но и стараются исполнить.

Ницшеанство, видя, что соціализмъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлать теперешнихъ людей счастливыми на землѣ, проповѣдуетъ, что для того, чтобы люди были счастливы, необходимо измѣнить самую ихъ природу, самое естество ихъ тѣла и духа, словомъ, чтобы люди перестали быть людьми, а сдѣлались бы сверхъ-людьми, сверхъ-человѣками. А для этого необходимо усовершенствовать породу людей. Но какъ же усовершенствовать? А очень просто. Всѣхъ больныхъ и слабыхъ надо истреблять безъ всякаго милосердія; всѣхъ простыхъ и глупыхъ надо обманывать всякими способами и мѣрами, чтобы они вымерли и исчезли съ лица земли; короче сказать, требуется грабить, обманывать, бить, истреблять, убивать всѣхъ, кого только можно. Тогда останутся одни только сильные и умные, отъ которыхъ родится сверхъ-человѣкъ, который будетъ выше теперешнихъ людей настолько, насколько люди выше животныхъ. Отъ этого сверхъ-человѣка и произойдетъ особая усовершенствованная порода людей. Эти люди и будутъ вполнѣ счастливыми существами на землѣ.

Толстовство признаетъ и соціализмъ и ницшеанство заблужденіемъ, сознавая, что ихъ путями нельзя достигнуть людямъ счастія на землѣ, и потому, стараясь поддѣлаться подъ христіанство, предлагаетъ людямъ заботиться о личномъ усовершенствованіи и благѣ и не противиться, если кто у тебя отнимаетъ тобою преобрѣтенное, или если тебя обижаютъ. Только тогда люди будутъ пользоваться всѣми земными благами и будутъ счастливы, когда у нихъ не будетъ ничего лишняго, которое будетъ взято нуждающимися, и такимъ образомъ нуждающихся или несчастныхъ не станетъ.

Послѣдователей у каждой изъ перечисленныхъ идей безчисленное множество, и трудно сказать, у которой

изъ нихъ больше. Вся современная свѣтская литература, всѣ сочиненія, всѣ книги и газеты почти сплошь проникнуты ими, являясь ихъ распространителями среди народа.

Какъ уже сказано, исходная точка и цѣль всѣхъ этихъ ученій одна: сдѣлать людей счастливыми именно здѣсь, на землѣ, удовлетвореніемъ ихъ тѣлесныхъ потребностей и влеченій. А чтобы люди заботились только о земныхъ тѣлесныхъ благахъ, для сего какъ соціализмъ, такъ и толстовство и ницшеанство требуютъ, чтобы люди забыли о будущей загробной жизни, перестали бы вѣровать въ ея существованіе и вообще — во все сверхъестественное и въ Самого Бога; потому что, если человѣкъ искренно вѣруетъ въ загробную жизнь и ожидаетъ въ ней получить подлинное счастіе и блаженство, то онъ не очень заботится о настоящей жизни, о земныхъ благахъ и о здѣшнемъ счастіи. Вотъ почему современныя идеи проникнуты непримиримою враждой къ религіи и особенно къ церкви или христіанству, такъ что онѣ стали синонимами невѣрія, антихристіанства и безбожія; сказать: вѣрующій соціалистъ — все равно, что сказать: горячій морозъ; православный толстовецъ — то же, что сказать: деревянное желѣзо; христіанинъ и послѣдователь Ницше такъ же противоположны, какъ свѣтъ и тьма, Христосъ и антихристъ. И въ чемъ только не обвиняютъ христіанство эти и подобные его противники? Одни обвиняютъ его въ томъ, что оно не возставало противъ рабства, войны, противъ капитализма, собственности и проч.; другіе обвиняютъ христіанство, или церковь, въ томъ, что они проповѣдуютъ безграничное милосердіе и любовь, особенно къ слабымъ и несчастнымъ. Одни обвиняютъ церковь за то, что проповѣдуетъ дѣвство для могущихъ «вмѣстить»; другіе — за то, что допускаетъ и освящаетъ бракъ. Словомъ, обвиненій противъ христіанства не перечислить, и каждое изъ нихъ одно другого несообразнѣе, одно другого глупѣе и неосновательнѣе.

Хуля всячески христіанство, или церковь, противники его сами не представляютъ взамѣнъ его ничего дѣльнаго

или основательнаго, въ особенности для удовлетворенія религіознаго чувства. Сколько путались, и путаются они даже въ такомъ очевидномъ и несомнѣнномъ вопросѣ, какъ познаніе Бога! Одни признаютъ Богомъ всю видимую тварь, другіе — человѣчество, третьи — свой разумъ и чувства, иные — свои отвлеченныя идеи, часто ошибочныя, и т. п.

Ученіе о счастіи, или блаженствѣ людей, которымъ они гордятся, мы уже видѣли: оно стремится заставить людей заботиться только о земномъ, забыть о всемъ возвышенномъ и благородномъ, представляемомъ христіанской религіей, или церковію, словомъ сказать — оземлянiться, оскотиниться.

Христіанство же въ самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя совершенную противоположность всѣмъ вышеуказаннымъ идеямъ, особенно въ вопросѣ о счастіи людей. Оно учитъ, что здѣсь, на землѣ, полнаго и подлиннаго счастія ни въ какомъ случаѣ достигнуть невозможно, что здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ будущей жизни, къ тамошнему блаженству. А потому проповѣдуетъ о земныхъ дѣлахъ, о здѣшнихъ благахъ настолько, насколько они служатъ къ достиженію блаженства въ будущей загробной жизни. Приготовляться же къ будущей жизни можно только нравственнымъ усовершенствованіемъ, добрыми дѣлами, воздержаніемъ, благотвореніемъ, любовію, вѣрою, молитвою и проч. Блаженство въ будущей жизни, какъ проповѣдуетъ христіанство, будетъ заключаться въ неизъяснимомъ единеніи съ Богомъ, въ вѣчной неизреченной радости, въ совершенномъ удовлетвореніи человѣческаго духа — ума, чувства и воли. Этого можно достигнуть и здѣсь, но только отчасти, и то съ величайшими усиліями. «Зримъ убо нынѣ якоже въ зерцалѣ гаданіемъ, — говоритъ апостолъ Павелъ, — тогда же, въ будущей жизни, лицемъ къ лицу».

Заботясь о приготовленіи людей къ будущему блаженству посредствомъ нравственнаго усовершенствованія, христіанство и здѣшнюю жизнь дѣлаетъ счастливой настолько, насколько это возможно на землѣ. Но если люди не слѣдуютъ ему, какъ должно, въ этомъ не его

вина. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди осуществляли ученіе Христа въ своей жизни въ полной мѣрѣ, то на землѣ давно бы уже водворился рай, о которомъ мечтаютъ многіе. Какъ извѣстно, оно проповѣдуетъ полнѣйшее безкорыстіе, ставя его первымъ условіемъ для желающихъ стать христіанами. Если бы это исполнялось, не было бы капитализма, не явилось бы и соціализма въ такой уродливой формѣ, какъ теперь. Христосъ училъ до самоотверженія любить Бога и ближняго: если бы христіане это исполняли, не могъ бы Толстой, устроивъ изъ себя пародію на Христа и изъ своего ученія пародію на Его евангеліе, имѣть такой успѣхъ. Тѣмъ болѣе не могло бы имѣть успѣха ницшеанство, отъ котораго съ ужасомъ отскакиваетъ всякій, имѣющій хоть немного человѣческой совѣсти и смысла. А оно теперь имѣетъ громадный успѣхъ, и распространено вездѣ, несмотря на всю его нелѣпость. Если бы помнили, что всѣ люди — братья, что если кто желаетъ быть начальникомъ, тотъ долженъ быть всѣмъ слугой, тогда не было бы такой ненормальности и узурпаторства въ управленіи государствами, не было бы такихъ злоупотребленій властію, какія нынѣ бываютъ, не было бы недовольныхъ ею, не было бы и причинъ возставать противъ всего этого, не было бы и бунтовъ, смятеній, волненій, убійствъ и проч.

Итакъ, причина всѣхъ теперешнихъ волненій, терзающихъ нашу родину, да и не одну ее, заключается въ современныхъ антихристіанскихъ идеяхъ, которыя руководятъ нынѣ всѣми и всѣмъ.

А распространеніе этихъ идей обязано тому, что христіане не стремились осуществить ученіе Христа въ своей жизни. «Васъ ради имя Божіе хулится между язычниками», сказано давно, но въ настоящее время особенно приложимо къ христіанамъ, которые словами вѣруютъ во Христа, а злыми дѣлами отрекаются отъ Него. Но Богъ поругаемъ не бываетъ. Беззаконія, обыкновенно, наказываются беззаконіемъ же. Таковы законы исторіи, законы Провидѣнія. Придетъ время (дай Богъ, чтобы оно не пришло), когда скупость, жадность и эгоизмъ

капиталистовъ, именующихъ себя христіанами, будутъ безпощадно наказаны насиліемъ, наглостью и злобой обнищалыхъ бѣдняковъ, когда злоупотребленія правителей будутъ наказаны бунтами и мятежами подчиненныхъ, когда «возстанетъ народъ на народъ и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ» (Матѳ. зач. 98), когда вмѣсто царства Божія появится и укоренится царство Его противника, и будетъ «скорбь велія, якова же не бысть отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти» (Матѳ. зач. 99).

Исправимъ же свою жизнь согласно евангельскому ученію, будемъ милостивы къ нуждающимся, справедливы къ трудящимся, будемъ любить людей, а не капиталъ, употребляя его на пользу ближнихъ. Вы знаете, что̀ было зарывшему въ землю талантъ, данный ему отъ Бога, и что̀ было удвоившимъ его: первый былъ осужденъ въ муку вѣчную, а послѣдніе получили вѣчное блаженство. Подъ талантомъ разумѣются всякія дарованія Божіи, которыми награжденъ человѣкъ: и знаніе, и власть, и богатство, и общественное положеніе, и прочее. Тотъ зарылъ талантъ, кто имѣетъ знаніе, но не учитъ другихъ, имѣетъ власть, но злоупотребляетъ ею, имѣетъ богатство, но не подѣляется съ неимущими, не употребляетъ его на добрыя дѣла, а лишь на злыя и порочныя.

Дѣлая добро, мы если и не предотвратимъ бѣдствій, грядущихъ на вселенную (Лук. зач. 106), которыя будутъ слѣдствіемъ беззаконія людей, то во всякомъ случаѣ избѣгнемъ мукъ и сподобимся царства небеснаго, его же и буди всѣмъ намъ получити о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Оправданіе зла.

Недавно мнѣ разсказывали, что на одномъ изъ собраній людей, поставившихъ себѣ цѣлію заботиться о счастіи и благоденствіи человѣчества, всѣ возмущались и негодовали за избіеніе казаками толпы при разсѣяніи какой-то демонстраціи. Какъ бы для иллюстраціи, тутъ находился студентъ, у котораго былъ на лицѣ рубецъ отъ казацкой нагайки. Ораторы не находили словъ для выраженія своихъ возбужденныхъ чувствъ, называли казаковъ дикой ордой, баши-бузуками, которыхъ надо поскорѣе убрать, чтобы они не позорили Россіи своими дикими и безсмысленными поступками, и кромѣ этого требовать немедленной отмѣны смертной казни, какъ дѣла противнаго человѣческому чувству гуманности. Собраніе дружно и продолжительно аплодировало. Рѣшено было немедленно требовать всего этого отъ правительства и особенно того, чтобы никто не былъ наказанъ ни за какое преступленіе или проступокъ помимо приговора суда. Настроеніе всѣхъ было нервное, негодующее.

Въ это время неожиданно приносятъ вѣсть, что убили генерала, посланнаго для усмиренія возставшихъ крестьянъ. Вдругъ все собраніе захлопало въ ладоши и закричало: ура!!!... Всѣ торжествовали и поздравляли другъ друга, какъ бы по случаю какого радостнаго событія. Рѣшено было почтить убійцу, ознаменовать его поступокъ учрежденіемъ нѣсколькихъ стипендій въ память этого героя, рѣшившаго убить «тирана, мучившаго народъ».

Не знаю, вѣрно ли переданъ мнѣ этотъ фактъ, но если бы онъ былъ даже завѣдомо измышленъ, цѣны

своей отъ этого не теряетъ, какъ для настоящаго времени вполнѣ естественный, возможный и весьма характерный.

Если спросить реакціонера или сторонника погромовъ: зачѣмъ разбиваете и убиваете евреевъ, интеллигенцію, революціонеровъ и т. под., отвѣтъ получится, что затѣмъ, что они возстаютъ противъ правительства, противъ царя, противъ вѣры и проч. Чтобы защитить все это, необходимо разбивать, бить и убивать тѣхъ, которые стараются все сіе ниспровергнуть. Когда же спросишь: а для чего все это защищать? Отвѣчаютъ, что иначе весь родъ человѣческій погибнетъ или сдѣлается несчастнымъ.

Теперь спросите крайняго революціонера или анархиста: для чего они убиваютъ министровъ, князей, правителей, для чего разбиваютъ помѣщичьи усадьбы? Отвѣтъ получится такой же: все это дѣлается для блага народа. Такъ какъ такой-то министръ или правитель мѣшаетъ провести въ жизнь извѣстную идею, отъ осуществленія которой народъ непремѣнно сдѣлается счастливымъ, то его необходимо убрать; если нельзя мирнымъ путемъ, то требуется убить его.

Значитъ, основаніе для убійствъ, какъ у реакціонеровъ, такъ и у революціонеровъ, одно, и притомъ не только не новое, но и довольно таки старое, затасканное, грязное: цѣль оправдываетъ средства. Не знаю, іезуиты ли выдумали это правило, или другой кто, но оно стало догматомъ вѣры нашихъ крайнихъ партій, какъ лѣвой стороны, такъ и правой.

Нѣтъ ничего хуже и преступнѣе этого правила: убивать людей для блага человѣчества. Имъ можно оправдать, и оправдываютъ всякія насилія и преступленія. Мы сейчасъ содрогаемся и негодуемъ на то, что въ средніе вѣка замучено и умерщвлено болѣе девяти милліоновъ человѣкъ, обвиненныхъ въ мнимомъ или дѣйствительномъ колдовствѣ. Но вѣдь тѣ, которые мучили и убивали такую массу людей, дѣлали это съ тою цѣлью, чтобы освободить народъ отъ вліянія нечистой силы, чтобы люди не терпѣли вреда отъ злыхъ духовъ, чтобы человѣчество благоденствовало, освободившись

отъ козней діавола. Діоклитіаны и другіе тираны мучили христіанъ тоже, какъ имъ казалось, ради пользы человѣчества или своихъ подданныхъ. Такъ какъ христіане отказывались приносить жертвы языческимъ богамъ, то поклонники сихъ боговъ думали, что боги за это прогнѣваются и наведутъ несчастія на народъ. Въ предотвращеніе сихъ несчастій язычники мучили и убивали христіанъ цѣлыми тысячами на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Что̀ можетъ быть ужаснѣе и преступнѣе убійства Іисуса Христа? Однакоже и оно совершено было, повидимому, съ доброю цѣлію, на благо народа. Когда былъ совѣтъ у враговъ Іисуса Христа, что̀ съ Нимъ дѣлать, то нѣкоторые говорили, что Его нельзя оставить такъ, иначе всѣ въ Него увѣруютъ, и тогда римляне окончательно завладѣютъ народомъ іудейскимъ. Первосвященникъ Каіафа, вѣроятно, предсѣдательствовавшій на этомъ совѣщаніи, какъ бы сводя въ одно все, что говорилось на немъ, сказалъ: «уне (лучше) есть намъ, да одинъ человѣкъ умретъ за люди, а не весь языкъ (народъ) погибнетъ» (Іоан. зач. 40). Хотя въ этихъ словахъ, противъ воли высказавшаго ихъ, скрывается и тотъ смыслъ, что Христу требуется умереть, чтобы спасти отъ власти діавола не только народъ іудейскій, но и языческій, однако совѣщаніе постановило убить Христа съ тою именно цѣлію, чтобы этимъ освободиться отъ опасности быть совершенно порабощенными непріятелями.

Прослѣдите исторію человѣчества, и увидите, что почти всѣ самыя страшныя и кровавыя преступленія, какъ-то: войны, массовыя убійства, инквизиціи и т. п., совершались съ добрыми намѣреніями, для блага народовъ или человѣчества. Всѣ эти великіе людобойцы — Александры Македонскіе, Наполеоны и проч., убившіе сотни тысячъ человѣкъ, дѣлали сіе для того, чтобы осчастливить человѣчество или, по крайней мѣрѣ, своихъ подданныхъ по плану, для выполненія котораго требовалось убивать людей путемъ войны.

И въ настоящее время для чего революціонеры возстаютъ противъ существующаго правительства, стараясь

его ниспровергнуть путемъ убійствъ, если нельзя иначе? Для блага народа, для того, чтобы, захвативъ власть въ свои руки, сдѣлать по своей программѣ народъ счастливымъ. Для чего правительство убиваетъ революціонеровъ и разныхъ другихъ «мятежниковъ» и «крамольниковъ»? То же самое — для блага народа, для спокойствія страны. Не даромъ же и поговорка сложилась: «дорога въ адъ устлана добрыми намѣреніями».

Достигается ли, однако, благо человѣчества или народа путемъ такого зла, какъ убійства? Нѣтъ, не только не достигается, но и вызывается то самое, что хотѣли предотвратить. Такъ, евреи убили Христа съ тою цѣлью, чтобы римляне не завладѣли ими, и однако же за это самое преступленіе римляне вскорѣ же не только завладѣли ими, но и едва окончательно не истребили ихъ и, наконецъ, разогнали по всему міру.

Возьмемъ близкій къ нашему времени и обстоятельствамъ примѣръ. Передовые люди въ Россіи давно добивались народнаго представительства, или конституціи, вообще — перемѣны правительства къ лучшему. Чтобы скорѣе достигнуть этого, нѣкоторыми членами крайнихъ партій было, между прочимъ, сдѣлано нѣсколько покушеній на жизнь императора Александра II. Говорятъ, что этотъ государь рѣшилъ дать, наконецъ, конституцію или что-то подобное. Она уже была составлена. Но прежде, чѣмъ подписать и объявить ее, царь, по долгу христіанскому, рѣшилъ исповѣдаться и причаститься, чтобы такимъ достойнымъ образомъ приготовиться къ столь великому дѣлу. И вотъ, когда онъ ѣхалъ во дворецъ, чтобы подписать конституцію, онъ былъ убитъ. И кѣмъ же? Тѣми, которые добивались конституціи, или перемѣны правительства къ лучшему. И что же? Получили какъ разъ противоположное, достигли того, что уже написанная конституція была уничтожена, правительство измѣнилось къ худшему, и наступили времена тьмы, произвола, безправія и насилія, длившіяся цѣлую четверть вѣка, до самаго послѣдняго времени. И сколько за это время народу погибло, и гибнетъ, и еще погибнетъ въ тюрьмахъ,

на войнѣ и въ междоусобицахъ! А между тѣмъ, если бы не убили Александра II, давно бы въ Россіи была конституція или по-теперешнему — «Государственная Дума», не было бы, вѣроятно, японской войны, не было бы теперешнихъ забастовокъ и мятежей, не погибло бы столько народу на войнѣ, отъ революціи, по тюрьмамъ, ссылкамъ и т. под.

Итакъ, никакая цѣль не оправдываетъ злыхъ средствъ, и такими средствами достигаются не добрыя цѣли, а только злыя. Должно бы всѣмъ согласиться съ той старой и простой, но великой истиной и проникнуться ею, что «всяко древо доброе плоды добры творитъ, а злое древо плоды злы творитъ; не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити» (Матѳ. зач. 22).

Сколько побили и пожгли людей за послѣднее время въ Томскѣ, Твери, Одессѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ, якобы для блага народа, для подавленія «крамолы» или усмиренія «мятежниковъ»! Всѣ эти убійства производили такъ называемые «бѣлые» или «черная сотня» и, какъ говорятъ, при попустительствѣ или даже при участіи администраціи, или властей. Это — позорное, неизгладимое пятно для «бѣлыхъ» или «черной сотни» и ихъ покровителей, выдающихъ себя за патріотовъ и даже за христіанъ.

Убійства, грабежи и погромы, произведенные «черными» или «бѣлыми», способны вызвать негодованіе въ душѣ всѣхъ благомыслящихъ и честныхъ, но естественно больше всего негодовали и осуждали ихъ такъ называемые «красные», или соціалъ-демократы. Однакоже и сіи послѣдніе вовсе несвободны отъ этого, и они также готовы къ убійствамъ. Передъ нами брошюра, изданная «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіей» (окт. 1905 г.). Вотъ что въ нихъ идеализируется: они сбираются всѣхъ губить, и наивно думаютъ, что взойдетъ отъ этого солнце правды и тутъ же собираются на кровавый бой.

Вообще, во всѣхъ пѣсняхъ этой брошюры нѣтъ ни одного слова прощенія или любви ни къ кому и ни

къ чему. Вездѣ сквозитъ и кричитъ нескрываемая ненависть, неукротимая злоба, непримиримая месть. Въ одной пѣснѣ, напримѣръ, говорится, что при погребеніи убитаго товарища: — у нихъ была только одна злоба и они клянутся мстить.

Но это еще не все. Злоба авторовъ и издателей брошюры оказывается выше земного. Они простираютъ свою ненависть, хулу и проклятія даже (содрогнись, земля!) ко Всевышнему, къ Самому Богу. Въ ней они вопіютъ:

Проклятіе Богу, предъ кѣмъ мы съ мольбою
Склоняемся въ голодъ и холодъ зимою:
Напрасно мы ждали, надежды полны—
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы.

Далѣе слѣдуютъ проклятія правителю страны и всей родинѣ. Таковы догматы вѣры и идеалы нравственности россійскихъ соціалъ-демократовъ.

Сколько нечестія и богохульства оказалось въ маленькой брошюркѣ въ какихъ-нибудь шестнадцать страницъ! Что же находится во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ?

Какъ бы для того, чтобы кто не подумалъ, что упомянутое богохульство и нечестіе сказано по неосмотрительности — мимоходомъ, на упомянутой брошюркѣ выставлено, что она издана въ количествѣ 10000 экземпляровъ и уже вторымъ изданіемъ. Значитъ проповѣдники этого богохульнаго ученія заботятся о распространеніи и укорененіи его въ народѣ такъ же сильно и искренно, какъ христіане — евангельскаго.

На это, пожалуй, нѣкоторые скажутъ, что вѣдь это пѣсни, а не серіозное сочиненіе, не теорія или система. Но въ томъ-то и дѣло, что пѣсни. Извѣстно, что масса, хотя бы и соціалъ-демократовъ, руководимая болѣе чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ, и руководится именно пѣснями, какъ вліяющими на чувства. Отвлеченныя теоріи и туманныя системы для нея почти недоступны; онѣ только доступны меньшинству, стоявшему выше общей массы.

Въ оправданіе соціалъ-демократовъ нѣкоторые говорятъ, что они не касаются религіи, а лишь добиваются

матеріальнаго улучшенія и благосостоянія народныхъ массъ. Но вышеприведенная выдержка говоритъ противное, — то именно, что они такъ грубо и дерзко касаются религіи, что волосы дыбомъ становятся: проклинаютъ Самого Бога. Для вѣрующихъ одного этого нечестія достаточно, чтобы имѣть къ нимъ непреодолимое отвращеніе, какъ бы ихъ теоріи и цѣли ни казались хорошими и привлекательными. Нѣтъ надобности доказывать, что не только христіанинъ, но и всякій искренно вѣрующій согласится скорѣе умереть съ голоду или вытерпѣть какія угодно страданія и пытки, чѣмъ исповѣдать символъ вѣры соціалъ-демократовъ, требующій проклинать Божество.

Еще въ оправданіе соціалъ-демократовъ говорятъ, что заграничные соціалъ-демократы осуждаютъ всякое убійство, хотя бы и ради осуществленія соціалъ-демократическихъ идей; они стремятся достигать своихъ цѣлей только мирными путями, а убійства совершаютъ только анархисты и имъ подобные. Можетъ-быть. Но у насъ, въ Россіи въ настоящее время соціалъ-демократы, какъ видно, разыгрываютъ роль анархистовъ, или съ ними смѣшаны. А потому требуется, чтобы или сами соціалъ-демократы очистили свою партію «отъ всякія скверны», отлучивъ отъ себя анархистовъ, если желаютъ привлечь къ себѣ симпатіи общества, или всѣ вѣрующіе должны выйти изъ этой партіи (если они въ ней состоятъ), проповѣдующей злобу, ненависть, месть проклятія всѣмъ и всему, что ей мѣшаетъ, и изрыгающей хулу на самое божество.

Если кто изъ вѣрующихъ чувствуетъ непреодолимое и благородное призваніе заботиться о счастіи и благосостояніи ближнихъ или всего человѣчества, то не лучше ли соединиться въ отдѣльное общество или партію, чѣмъ принадлежать къ той партіи, которая дерзаетъ изрыгать хулу на самый священный для вѣрующихъ предметъ, безпощадно оскорбляя самыя лучшія ихъ чувства. Съ истинной и искренней вѣрой, съ христіанскимъ евангельскимъ ученіемъ и любовію ко всѣмъ можно удобнѣе, легче и плодотворнѣе заботиться о благѣ

народа и всего человѣчества, чѣмъ со злобой, местью и проклятіемъ, простираемымъ даже на Всевышняго.

Мы уже не говоримъ о томъ, сколько горя, бѣдствій и страданій причинило чиновно-бюрократическое правительство всѣмъ сынамъ Россіи, потому что это всѣмъ извѣстно. Предъ его дѣйствіями самые «красные» кажутся совсѣмъ некрасными, самые черные — нечерными, и самое зло почти не кажется зломъ.

Лучше ли будетъ такъ жадно ожидаемое новое конституціонное правительство, это извѣстно теперь только Богу, а мы узнаемъ, когда доживемъ.

Какъ бы то ни было, одно только несомнѣнно, что до сего времени, да и въ настоящее время, какъ въ Россіи, такъ почти и вездѣ, едва ли не всякія партіи, и бѣлыя, и красныя, и черныя, и какія угодно, а также и само правительство, да почти и все человѣчество, своими дѣлами и словами оправдываютъ именно зло, наперерывъ стараясь при его помощи достигнуть своихъ якобы благихъ цѣлей, счастія, благоденствія и блаженства людей, народовъ и всего человѣчества.

Но путь зла не можетъ привести къ добру.

Самое ужасное въ мірѣ.

Изъ всѣхъ преступленій и злодѣяній, какія изобрѣли и совершаютъ люди, нѣтъ ничего преступнѣе и хуже человѣкоубійства. Это — грѣхъ самого діавола, которому и уподобляется каждый человѣкоубійца. «Вы отца вашего діавола есте, — сказалъ Спаситель жаждавшимъ убійства, — и похоти отца вашего хощете творити. Онъ человѣкоубійца бѣ искони» (Іоан. зач. 32). Но убійства бываютъ разныхъ родовъ и степеней, особенно теперь. Убиваютъ изъ мести, убиваютъ съ корыстною цѣлію, убиваютъ въ дракѣ, убиваютъ на войнѣ, убиваютъ по опредѣленію суда, убиваютъ, чтобы усмирить возставшихъ, убиваютъ, чтобы вызвать переворотъ въ государствѣ, убиваютъ власть имущихъ, убиваютъ подчиненныхъ, убиваютъ другъ друга, убиваютъ самихъ себя. Кажется, никогда не было столько убійствъ, какъ въ настоящее, повидимому, просвѣщанное, а на самомъ дѣлѣ развращенное время.

Но изъ всѣхъ видовъ человѣкоубійства самое безнравственное, самое злое и отвратительное есть убійство самого себя. Убивающій другого и убивающій самого себя — оба, повидимому, совершаютъ одинаковое преступленіе: убиваютъ человѣка. Но самоубійство тѣмъ преступнѣе всякаго другого рода убійствъ, что обыкновенный убійца совершаетъ это преступленіе изъ ненависти къ другому человѣку, а самоубійца — изъ ненависти къ самому себѣ. Ненавидящій же самого себя еще болѣе ненавидитъ другихъ. Какіе бы доводы ни представлялись, что убійства совершаются и по другимъ мотивамъ, и даже иногда будто бы изъ любви къ ближ-

нему, но это только отговорка. Въ глубинѣ всѣхъ мотивовъ убійства лежитъ ненависть и злоба, чѣмъ бы она ни вызывалась. Самоубійство тяжелѣе простого убійства еще и тѣмъ, что по совершеніи его невозможно покаяться, невозможно ничѣмъ загладить содѣяннаго зланельзя искупить своей вины. И несмотря на это, самоубійства, къ ужасу всѣхъ здравомыслящихъ, растутъ и усиливаются не по днямъ, а по часамъ. Что же за причина этого печальнаго явленія? Одни видятъ причину этого въ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ страны, другіе — въ политическомъ положеніи и устройствѣ государства, третьи — въ нервности и душевныхъ болѣзняхъ нашего вѣка, иные — въ человѣческихъ страстяхъ и увлеченіяхъ. И дѣйствительно, самоубійцы часто оставляютъ записки, въ которыхъ какъ бы подтверждаютъ эти предположенія. Они говорятъ, что кончаютъ жизнь самоубійствомъ или отъ нужды, или отъ разочарованія въ жизни, или отъ тоски, или отъ потери имущества и чести, или отъ другихъ подобныхъ причинъ.

Однако ни одна изъ этихъ причинъ не можетъ считаться основной. Если бы тяжелыя экономическія условія были причиной самоубійства, то почему же не всѣ находящіеся въ самой крайней нуждѣ убиваютъ самихъ себя, соглашаясь лучше умереть съ голоду или отъ болѣзней, чѣмъ совершить это преступленіе? Почему, съ другой стороны, живущіе въ роскоши такъ же нерѣдко кончаютъ жизнь самоубійствомъ? Если бы политическія неустройства были причиной этого преступленія, то почему же многіе, терпя всевозможныя угнетенія, не кончали жизнь такимъ путемъ? Человѣческія страсти и болѣзни или нервность также не могутъ служить причиной самоубійства, ибо есть множество людей болѣзненныхъ, мучимыхъ тоской и другими угнетающими страстями, которые, однако, не рѣшаются окончить жизнь самоубійствомъ.

Гдѣ же причина всѣхъ причинъ самоубійства? Единственно — въ отсутствіи вѣры въ Бога, въ Его промыслъ и милосердіе. Кто искренно вѣруетъ, что Богъ постоянно о немъ промышляетъ и заботится, то какія бы бѣдствія

его не постигли онъ никогда не придетъ въ отчаяніе, никогда не кончитъ жизнь самоубійствомъ. «Что Богъ дастъ, то къ лучшему», говоритъ онъ въ такихъ случаяхъ: «Надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ не подвижится во вѣки» (псал. 124, стр. 1). Надѣющійся на Бога если придетъ даже въ такое положеніе, что ѣсть нечего, хоть по міру иди, и въ такомъ случаѣ не будетъ отчаяваться, а станетъ только благодарить Бога, потому что убѣжденъ, что здѣшняя жизнь есть приготовленіе къ будущей, и чѣмъ больше здѣсь претерпитъ онъ бѣдствій, тѣмъ лучше будетъ на томъ свѣтѣ. Іовъ праведный изъ какого богатства сразу впалъ въ самую крайнюю нищету, въ одинъ день лишившись всего своего имущества и дѣтей, однако, не впалъ въ отчаяніе, не кончилъ жизнь самоубійствомъ. Напротивъ, радовался и благодарилъ Бога, говоря: «Нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду тамо. Господь даде, Господь отъятъ. Яко Господеви изволися, тако бысть. Буди имя Господне благословенно во вѣки» (Іовъ, гл. 1). Мало этого. Когда Іова поразила ужаснѣйшая болѣзнь — проказа, онъ и тутъ не отчаялся. Даже жена его, видя нечеловѣческія его страданія, какъ онъ, сидя за городомъ на кучѣ мусора, въ гною и червяхъ, предложила ему, изъ жалости къ нему, прекратить жизнь почти самоубійствомъ. Но онъ отвѣтилъ: «аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ» (Іовъ. гл. 2).

Вотъ единственное орудіе противъ самоубійствъ, вотъ самая надежная защита отъ этого преступленія: крѣпкая надежда на Бога, непоколебимая вѣра въ Его промыслъ, что Онъ все устраиваетъ къ нашей пользѣ и спасенію. И дѣйствительно, перенося терпѣливо всѣ невыносимыя бѣды и несчастія, Іовъ выздоровѣлъ, сдѣлался вдвое богаче, чѣмъ былъ до постигшихъ его несчастій.

Ну, а если человѣку придется всю жизнь мучиться, не видя ничего лучшаго впереди до самой смерти, какъ тутъ не прійти въ отчаяніе? Да, искренно вѣрующій и тогда не впадетъ въ отчаяніе. Что̀ можетъ быть бѣдственнѣе и несчастнѣе жизни бѣднаго Лазаря, который больной валялся на голой землѣ подъ открытымъ небомъ

у воротъ богача вмѣстѣ съ собаками, не видя ни откуда помощи и утѣшенія и не имѣя дневного пропитанія, такъ что радъ былъ питаться крошками, которыя, очевидно, бросали собакамъ со стола богача? Можно ли придумать болѣе тяжелыя и отвратительныя экономическія и соціальныя условія? Съ одной стороны, неимовѣрная нищета, съ другой — неимовѣрная роскошь. Однако, что же? Отчаялся ли нищій и больной Лазарь? Нѣтъ, онъ и не думалъ кончить жизнь самоубійствомъ, вѣря въ будущую загробную жизнь, и надѣясь быть тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. И эта надежда его оправдалась: по кончинѣ онъ былъ отнесенъ въ рай на лоно Авраамово, а богатый по смерти оказался въ адѣ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ.

Зная это, истинные христіане не боятся никакихъ ужасовъ жизни. Смѣло встрѣчаютъ всякія опасности и препятствія, геройски относятся ко всевозможнымъ лишеніямъ и страданіямъ и потому почти всегда преодолѣваютъ всевозможныя препятствія.

Даже болѣе. Они боятся, если имъ не приходится претерпѣть ни одного бѣдствія и горя въ жизни. Потому что вѣруютъ, что за всякое здѣшнее страданіе и терпѣніе имъ Богъ отпуститъ хотя часть грѣховъ и даруетъ вѣчное блаженство, неизреченную радость. Поэтому-то многіе нарочно искали нужду и бѣдствіе. А нѣкоторые какъ бы искусственно создавали ихъ. Андрей Христа ради юродивый оставилъ своего хозяина, у котораго жилъ въ полномъ довольствѣ, и всю жизнь скитался почти голый и босой, не имѣя ни пищи ни жилья и претерпѣвая всевозможныя лишенія, насмѣшки и издѣвательства, хотя легко могъ бы избѣгнуть всего этого. Преподобный Антоній Великій, будучи богатымъ человѣкомъ, роздалъ все свое имущество бѣднымъ и жилъ въ пустынѣ въ крайней нищетѣ и духовныхъ подвигахъ. Преподобный Арсеній Великій оставилъ царскій дворецъ, въ которомъ жилъ въ большомъ довольствѣ и роскоши, и поселился въ пустынѣ, добровольно претерпѣвая крайнія лишенія. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Можно указать, какъ

не только помѣщики и богачи добровольно дѣлались нищими, но и князья оставляли княжества изъ высшихъ побужденій духа — «царствія ради небеснаго».

Истинные христіане боятся не бѣдствій, а того, что не приходится терпѣть никакого горя и страданій. Въ прологѣ разсказывается, какъ одна вдова убивалась горемъ и плакала о томъ, что съ нею ни разу не случилось ни одной бѣды и несчастія. Такіе герои духа встрѣчаются и въ настоящее время. Мнѣ самому приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ сѣтованіе на то, что имъ очень хорошо живется, что съ ними не случается никакого горя и страданія.

Могутъ ли такіе люди прійти въ отчаяніе и покончить самоубійствомъ, если съ ними случится какая бѣда? Никогда.

Какъ охотникъ не боится дикихъ звѣрей, даже самъ жаждетъ встрѣчи съ ними, нарочно разыскивая ихъ, такъ и истинный христіанинъ не боится никакихъ несчастій и препятствій, радуясь, когда они встрѣчаются. Этимъ я не то хочу сказать, что христіане должны сами искать бѣдъ и напастей. Даже не то, что они не должны искать выхода изъ создавшагося затрудненія, бѣды, нищеты и несчастія. Нѣтъ, напротивъ, должно всегда молиться, чтобы Богъ не попустилъ намъ впасть во искушеніе («Отче нашъ»). Если же, несмотря на это, на христіанина обрушатся всевозможныя напасти и несчастія, и то онъ не долженъ приходить въ отчаяніе, а молиться Богу, Который и подастъ помощь и силу перенести самыя невыносимыя горести, выйти изъ самаго безвыходнаго положенія.

Также не могутъ вынудить истиннаго христіанина окончить жизнь самоубійствомъ политическія ненормальности и нестроенія государства. Это доказываетъ сама исторія. Хуже и злѣе не можетъ быть царствованія Нерона, когда людей живьемъ жгли вмѣсто факеловъ на потѣху этому тирану. Однако никто изъ христіанъ не думалъ лишать себя жизни.

Тѣмъ болѣе печаль, тоска, досада, душевное разстройство и другія страсти не заставятъ христіанина прибѣг-

нуть къ самоубійству. Онъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ Богу, молится Ему, и Богъ ему помогаетъ и утѣшаетъ.

Если христіанинъ, увлекшись какой-либо страстью, надѣлаетъ преступленій, потеряетъ свою честь, будетъ у всѣхъ въ презрѣніи, — и въ этомъ случаѣ онъ не придетъ въ отчаяніе, чтобы убить самого себя. Онъ будетъ каяться передъ Богомъ, просить Его о прощеніи и помилованіи. А на всѣ здѣшнія напасти и нападки онъ говоритъ: «мало, по моимъ грѣхамъ я стóю большаго».

Самоубійство до того отвратительно и противно христіанскому чувству, что святые отцы опредѣлили лишать погребенія и церковнаго поминовенія покончившихъ съ собой, исключая того, если кто совершилъ сіе внѣ ума. Это жестоко, но, къ сожалѣнію, справедливо. Самоубійство есть слѣдствіе невѣрія промыслу и милосердію Божію. Это — отступленіе отъ Бога, отчаяніе въ своемъ спасеніи. Согласно ли будетъ съ волею самоубійцы молиться за него: желалъ ли онъ этого? Не будетъ ли это своего рода насиліемъ совѣсти и убѣжденій человѣка? А если и желалъ, то не будетъ ли противно волѣ Божіей молиться за того, кто самымъ дѣломъ отступилъ отъ Бога, совершивъ грѣхъ Іуды Искаріотскаго?

Затѣмъ, совершеніе погребенія надъ самоубійцей не дастъ ли повода слабоумнымъ думать, что самоубійство не грѣхъ, а если и грѣхъ, то самый невинный? И не послужитъ ли это поощреніемъ къ совершенію этого тяжкаго грѣха?

Другое дѣло — атеисты или безбожники. Они, обыкновенно, съ торжествомъ провожаютъ тѣло самоубійцы до могилы, воздаютъ ему всевозможныя почести, возлагаютъ вѣнки, говорятъ похвальныя рѣчи, какъ бы желая показать, что самоубійство они не считаютъ страшнымъ зломъ, великимъ грѣхомъ, а напротивъ, чуть даже не геройствомъ. И такимъ образомъ пропагандируютъ и рекламируютъ это величайшее изъ золъ — самоуничтоженіе.

Неужели въ самомъ дѣлѣ кончающіе жизнь самоубійствомъ нехристіане? Да, почти всѣ теперешніе самоубійцы не только нехристіане, но и отчаяннѣйшіе атеисты,

безбожники, не признающіе ни загробной жизни, ни будущаго суда и воздаянія и ничего сверхчувственнаго, святого. Они не только не содрогаются предъ этимъ ужаснѣйшимъ преступленіемъ, предъ самоубійствомъ, не только не чувствуютъ отвращенія къ этому безумному и гнусному пороку, но и оправдываютъ его. Есть даже цѣлая философія, доказывающая, что самое лучшее въ мірѣ для людей есть самоубійство, къ которому долженъ стремиться каждый человѣкъ и весь родъ человѣческій (Гартманъ, Шопенгауеръ).

Несчастные безбожники и исполняютъ это позорное и страшное ученіе на практикѣ, при первомъ подходящемъ случаѣ убивая самихъ себя. А ихъ противники только злорадствуютъ этому. «Такъ и надо» — говорятъ они. — Пусть безбожники хоть всѣ перестрѣляются и перевѣшаются. Тѣмъ хуже для нихъ. «Богъ поругаемъ не бываетъ». Какъ они издѣваются надъ Богомъ и надъ религіей, такъ и Богъ, и природа, и жизнь издѣваются надъ ними. «Живыи на небесѣхъ посмѣется имъ, Господь поругается имъ» (пс. 2, ст. 5), и они «исчезнутъ, какъ прахъ сдуваемый вѣтромъ съ лица земли».

Въ самомъ дѣлѣ, если невѣрующій окажется въ крайней нищетѣ, изъ которой и выхода нѣтъ, что ему остается дѣлать, какъ не покончить съ собой? Совершенно логично, что лучше моментально умереть, чѣмъ мучиться нѣсколько лѣтъ въ нуждѣ и лишеніяхъ, если нѣтъ надежды на будущую вѣчную жизнь.

Если безбожника мучитъ невыносимое горе, печаль, тоска, досада и т. п., то онъ не можетъ прибѣгнуть къ Богу, ибо не вѣруетъ въ Него, и потому прибѣгаетъ къ самоубійству, чтобы прекратить свои страданія. Если невѣрующій потеряетъ честь и будетъ находиться въ презрѣніи у людей, то въ комъ и въ чемъ онъ можетъ найти утѣшеніе, какъ не въ самоубійствѣ, особенно если у него душа чутка и отзывчива?

Какъ истинный или искренній христіанинъ никогда не можетъ стать самоубійцей, какія бы несчастія на него ни обрушились, такъ истинный послѣдовательный безбожникъ, неизбѣжно, долженъ сдѣлаться самоубійцей

при первомъ тяжкомъ несчастіи, неудачѣ или разочарованіи въ жизни. Самоубійство есть необходимое логическое слѣдствіе безбожія. Гдѣ усиливается безвѣріе, тамъ увеличивается и число самоубійствъ. Подтвержденіями этому служитъ и наша родина Россія, въ которой за послѣдніе годы параллельно съ возрастаніемъ числа невѣрующихъ возрастаетъ и число самоубійствъ.

Итакъ, для успѣшной борьбы съ такимъ страшнымъ зломъ, какъ самоубійство, не достаточно одного только улучшенія экономическаго и политическаго устройства страны. Для этого необходимо самое главное: борьба съ безбожіемъ, насажденіе и укрѣпленіе истинной вѣры Христовой и нравственности. Только тогда могутъ прекратиться самоубійства, когда всѣ твердо будутъ вѣровать въ промыслъ, во всемогущество и милосердіе Божіе и исполнять Его святую волю, живя нравственно, согласно Его закону естественному, писанному и благодатному.

Если же будетъ распространяться безвѣріе и безнравственность, то не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя народности, а можетъ-быть, и все человѣчество кончитъ свое существованіе самоубійствомъ. Во Франціи, напримѣръ, безбожіе до того распространилось и укрѣпилось, что сдѣлалось господствующимъ правительственнымъ исповѣданіемъ. И что же? Народонаселеніе тамъ не только не увеличилось, какъ во всѣхъ другихъ странахъ, но и постепенно уменьшается, ибо безбожники всевозможными способами избѣгаютъ и предотвращаютъ дѣторожденіе, не чувствуя ни малѣйшаго угрызенія совѣсти. А это развѣ не самоубійство своего рода, не самоуничтоженіе?

Сами безбожники сознаются, что плодовитость и отвращеніе къ самоубійству является какъ бы привилегіей вѣрующихъ, а самоуничтоженіе родовое личное привилегіей невѣрующихъ.

Иначе и быть не можетъ.